

A close-up portrait of a young woman with light skin, numerous freckles, and green eyes. She is looking directly at the camera with a neutral expression. Her dark hair is visible on the sides. The background is dark and out of focus.

Ольга Апреликова

**ЗЕЛЁНЫЙ
МОСТ**

³
БЕЗ ЖИЗНЕННОГО ОПЫТА

Виноваты звезды

Ольга Апреликова

Зеленый мост

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Апреликова О.

Зеленый мост / О. Апреликова — «Издательство АСТ»,
2022 — (Виноваты звезды)

ISBN 978-5-17-139463-9

Петербург, наши дни. Девятиклассница Мишка ведет сражение с чудовищами. Как уцелеть самой и спасти младших сестру и братишку? Кем заплатить за победу? И почему друг оказывается врагом, а враг — тем, кто любит тебя больше всего на свете? Почему настоящие ангелы совсем не похожи на них?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-139463-9

© Апреликова О., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	20
Глава третья	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ольга Апреликова

Зелёный мост

В оформлении обложки использована фотография из фотобанка *Shutterstock*.

Автор: *Aleshyn_Andrei*

© Ольга Апреликова, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава первая

Подарок

1

– ...В новогоднюю ночь лепить снеговиков в Петербурге будет не из чего! Синоптики предупреждают, что...

Мокрая Мишка переключила радио на другой канал. Музыка бодро вкрутилась в уши аж до ствола мозга. На набережной никого не было, только она и большая елка, захлебывающаяся под дождем. Елка тряслась на ветру и всеми украшениями из желтых, оранжевых и фиолетовых огоньков подавала сигнал бедствия. Мишке тоже впору такой сигнал подавать, да только никто не услышит... Лило как из ведра, выплеснутого по ветру. Она спряталась от летящей ледяной воды за постамент елки с новогодними глупыми зайчиками и вытерла лицо. На черную рваную Неву под злым небом было страшно смотреть: другого берега за ливнем не видно – край мира, сумерки, жуть. Ни одному человеку не придет в голову тут стоять.

Но после школы ей было так тошно и не к кому пойти, что она пришла к мосту. Сейчас в сумерках сквозь ливень его серый ближний пролет и как будто средневековые башни еле угадывались, левобережного пролета не было видно совсем, будто мост уходил в пустоту. Ничего, ничего, уже скоро... Мишку трясло от холода. Надо еще чуточку подождать... Сумерки ж уже, темнота, чего они не включают?! Елка ж уже светится? Значит, скоро...

Вот! Фонари на обоих берегах разом вспыхнули редкими золотыми шариками. Мир стало видно. На пролетах моста потихонечку начал проступать еще даже не свет, а его обещание. Мишка не отводила взгляд, хотя дождь заливал лицо. Свет разгорался, и вот уже видны оба пролета, очерченные слабым зеленым сиянием, едва пробивающимся сквозь ливень. Призрачный зеленый мост соединил берега над страшной Невой, и на миг Мишка поверила, что все будет хорошо.

Но подсветка моста необратимо разгоралась все ярче, на нем вспыхнули новогодние золотые и синие огни, и вот уже совершенно обыкновенный Большоохтинский мост сиял во всю мочь белым: «Праздник! Праздник!» Вот только праздник не имел к Мишке никакого отношения.

Она вытерла слезы – или дождь – и посмотрела в сторону дома. Ну нет. Сил идти домой нет. Поэтому она побежала к светофору и, на минуту остановив огромного, слепящего каждой чешуйкой мокрого змея из десятков машин, в каждой из которых разозлился из-за остановки водитель, перелетела дорогу в ярком злобном свете фар и помчалась меж чужих домов куда глаза глядят.

На проспекте было полно народу, все выглядели бодро, несмотря на проливной дождь и порывы ветра, выворачивающего зонты, – тридцатое декабря. Завтра праздник.

Мишка устала и очень хотела есть. Ботинки промокли, как ни обходи лужи, шрамы зудели под отсыревшими джинсами, куртка оставалась сухой лишь под рюкзаком на спине, от холода и сырости колотило – и она свернула в сторону огромного торгового центра, похожего на утюг с лабиринтом внутри. Там хотя б сверху не льет и ниоткуда не дует.

Свет, тепло, толпа, изможденные снегурочки с рекламой пиццы на кокошниках, музыка сквозь музыку в наушниках – посреди молла шло представление, и Новым годом грохотало по всем ослепительным этажам. Мишка скорей пробежала в туалет и умыться – из зеркала глянуло угрюмое чудовище с темными кругами под красными глазами. Промокший монстр, больше похожий на парнишку. Она сняла куртку, причесалась пальцами – на миг в отражении

проступила девчонка, но тут же спряталась. Брови мрачнее, губу чуть презрительней вперед – не до девчачьей красоты.

Крючконосая старушка рядом, похожая на переодетую Бабу-ягу, заметив Мишкины гримасы, отодвинулась. Мишка вежливо улыбнулась ей, но улыбка вышла кривая – дрожа кудряшками и подарочными пакетами, бабка-ёжка убежала прочь. Мишка пошла греть ледяные пальцы в сушилке для рук. Старух она боялась. Ну, не самих старух, а того, что они в любой момент могут выкинуть что-нибудь ужасное. Например, умереть. А потом над ними будут жужжать мухи... Ой! Мишка развернулась, бросилась опять к раковине и скорей умылась. Вода ожгла холодом, и ее встряхнуло в судороге озноба с ног до головы. Ничего. Ничего, пусть холодно. Пусть холодно, потому что тогда, в доме у бабушки Дины, было жарко, жутко жарко... Пусть сейчас – холодно! Пусть всегда – холодно!

Но терпеть этот холод, конечно, тяжело. Снаружи было полно народу. Орал ребенок в проносящейся мимо коляске, а его мать орала в телефон – слов сквозь музыку не разобрать, только визг. У Мишки подкашивались ноги. Где бы присесть? Зеленый гном в скособочившейся красной шапке сунул Мишке в руки листовку – оказалось, флаер на бесплатный глентвейн.

В кафе было тише, головокружительно пахло кофе и булками с корицей, толпились люди, и выяснилось, что к безалкогольному глентвейну по листовке полагается хоть что-то купить. Мишка растерялась, замерла – но замотанная, в красных пятнах румянца тетечка за прилавком вздрогнула, забрала листовку и протянула Мишке большую кружку за так. Улыбнулась:

– С наступающим!

И как раз освободилось место в темном углу – зато у батареи. Мишка приткнула к ней куртку, села и, обхватив горячую кружку, едва не сунула туда нос. Корица, имбирь, всякие пряности... Жить стало легче. Полкружки сразу – внутри тепло. Спихватила, поставила – надо растянуть, не сидеть же с пустой посудиною.

Вспомнила, что в рюкзаке на дне остатки шоколадки, полезла – и наткнулась на проклятый учебник геометрии. А дома не менее проклятые алгебра, физика, английский и еще всякая мелочь вроде ОБЖ... Снова стало тошно и обидно: ну вот удавалось же не думать о школе почти десять минут! У всех нормальные каникулы, а у нее одни двойки, как черные пятна в глазах... Ну как у всех: у Таньки-фигуристки с алгеброй завал, у пары пацанов в классе еще по сколько-то двоек в четверти, но такого могильного кургана, как у нее, нет ни у кого. Чемпионка. И то по истории, по географии, по истории Санкт-Петербурга, по музыке – добренькие учительницы в счет прежних заслуг нарисовали тройки за «с Новым годом». За «хорошая девочка равно плюс балл», вот только Мишка давно уже перестала быть «хорошей девочкой». Нет, она не хамила, музыку на уроках не слушала, не приходила, как Танька Неземновская, на занятия в розовой толстовке с блестящими буквами «Want love?», вызывающей бешенство у школьных взрослых. Терпела скуку и одноклассников. Ничего плохого не делала. Но «хорошая девочка» в ней сдохла и воняла так, что учителя сперва отводили глаза и морщились, а потом и вовсе перестали ее замечать. Никто из них больше не смотрел ей в глаза на уроках, да и она перестала на них смотреть. Как и на доску, на экран проектора, в учебник, в тетрадь – или даже в окно. Просто сидеть за партой и никого не трогать, ни с кем не разговаривать, почти не шевелиться, ни о чем не думать, ни на что не смотреть – все, для нее достаточно. Если ругают, вот как учитель геометрии сегодня, – отключить слух. На перемене встать у стенки, уткнуться в телефон, чтоб не приставали, замереть. Хорошо, что на переменах так шумно.

А теперь главная завуч говорит, что с таким количеством двоек в четвертях никто ее к экзаменам не допустит. Классная руководительница дала листок со списком всех училищ города, где принимают на базе восьмого класса: «Давай присматривайся». Мишка, конечно, листок скомкала и выкинула, но теперь думала, что, наверное, зря. Какая разница, где сидеть за партой и ни на кого не смотреть. Шоколадка какая-то горькая...

– Девочка, можно присесть?

Мишка вздрогнула и, побоявшись взглянуть, кивнула женщине в черном. Конечно, в переполненном кафе каждое место на счету. Черная женщина поставила чашку с эспрессо, села:

– С наступающим, девочка, спасибо.

Может, «с наступающим» – это волшебный пароль? Или голос, в котором, кроме вежливости, сияли и сила, и тепло, – волшебный? Мишка подняла голову и посмотрела: в годах, красивая и уверенная, от ее вида аж мурашки по спине побежали. Вот бы стать такой когда-нибудь! К таким женщинам можно приблизиться только случайно, вот из-за толкотни в кафе: как там по обществузнанию – другая социальная страта? Пахло от нее безнадежно далекими, счастливыми и солнечными мирами. Мишка пересилила робость, ответила:

– Не за что, и вас с наступающим.

Та кивнула, не отрываясь от телефона. Что ей до Мишки...

– У тебя красивый голос, – вдруг сказала женщина не глядя. – Ты можешь быть обаятельной, но не хочешь.

– А зачем? – всерьез спросила Мишка.

– А затем, что только жалким подросткам бесплатно дают безалкогольный глинтвейн, – усмехнулась женщина, остро взглянув. – Да и то лишь под Новый год. Или ты всегда собираешься жить на подачки?

Мишка чуть не вскочила, чтоб убежать. Вот только дальше что? Идти по ослепительным новогодним этажам под музыку и писк терминалов, списывающих щедрые денежки, мимо праздничных людей, бессильно шипя всякие гадости про эту женщину, которая, между прочим, права? Глинтвейн ей подарили потому, что она действительно жалкая.

– Ваш разговор – тоже подачка, – подумав, сказала Мишка. – Какое вам до меня дело?

– Так жалко же, – кивнула женщина. – Маленькая, мокрая, один на один с жестоким миром, – она усмехнулась. – С проблемами какими-то в семье и в школе. Но ты пойми, долго жалеть не будут – вот выйдешь из этого возраста, который все помнят как ужасный, и никому даже случайно до тебя дела не будет.

– Я знаю. – Мишка вспомнила про маму, до которой точно никому не было дела. Иногда даже самой Мишке. – Дело есть только близким, да и то не всегда. А бесплатно люди только за какую-нибудь выгоду друг другу помогают.

– А тебе не помогает никто, потому что выгоды от тебя никакой, – дама снова усмехнулась. – Ну, что у тебя есть, что ты могла бы поменять на внимание и поддержку?

– Людям нравится помогать, потому что тогда они чувствуют себя более значимыми. – Кое-как выразила Мишка впечатление от всего этого странного разговора. – Так что просто есть... жалкая я.

– Умница, – кивнула женщина. Какой у нее все-таки острый, колющий взгляд. – То, что нам кажется бескорыстием, иногда им вовсе не является. Но это все слишком сложно накануне Нового года. Сейчас время улыбаться и дарить подарки. – Усмехнувшись, она вынула из сумки белую картонную коробочку и положила на стол: – Денег это не стоит, не пугайся. Просто тебе нужно немножко уверенности, вот я тебе это и дарю.

– Но...

– Хотя следует добавить немного стойкости и цепкости ума. – Она задумчиво постучала идеальным, но без следов лака ногтем по крышке коробочки. – Знаешь, если не включить мозг в твоём возрасте, мир потом окажется мерзким, – она подтолкнула коробочку к Мишке и поднялась: – До свидания, медвежонок! Будешь умницей – увидимся!

Кофе ее остался нетронутым.

«Медвежонок»? Откуда она знает?! «Увидимся»?

На улице стояла тьма в рыжих пятнах фонарей. Дождь неостановимо лил и лил, порывы ветра гнали воду в лужах, хлестали по ним невидимой метлой, и Мишке на миг стало интересно, не закрыли ли сегодня дамбу, как неделю назад, когда погода была вот такая же и всем на телефоны пришло штормовое предупреждение. Как специально для нее, потому что всю эту неделю и дома, и в школе бушевало наводнение, очень похожее на видео с дамы: во мраке, прорезанном прожекторами, злые огромные волны бьются в белый батопорт, едва не перехлестывая, и грохот жуткий, аж хочется съежиться и исчезнуть. А ее настиг такой же шторм из учительских выговоров, двоек, позора и тухлой тишины на бессмысленных последних уроках четверти, скандалов дома, сидения, под вопли и грохот игр младших, за письменным столом над нерешаемым уравнением, пока в голове не начинают жужжать ужасные мухи – из-за них, мух этих мерзких и жирных, потом бессонница всю ночь и жуткий мертвый сон перед утром, такой глубокий, что мама едва могла ее растолкать и выгнать в школу.

Да, исчезнуть бы, укрыться хоть где-то. Но куда тут исчезнешь? Сбежать из дома – такой дурой она не была. Найти маленькую зеленую дверку в волшебную страну, где она станет златовласой принцессой и будет кататься на фиолетовом драконе высоко-высоко над поросшими лесом волшебными горами? Ага. А чтоб дракон какал бабочками – тоже включить? Да не надо ей на самом деле никаких сказок. Ей бы уголок, чтоб спрятаться ото всех и всего. В тишине.

Ветер мокрой тряпкой хлестнул по лицу, и она очнулась. Темно, поздно – надо домой. Кстати подкатил автобус, а проездной вот он, в рюкзаке... В автобусе противно пахло мокрыми людьми, табаком от кондуктора, но все лучше ехать, чем брести под дождем по лужам.

В рюкзаке лежит и белая коробочка. Как женщина ушла, Мишка хотела встать и уйти, не трогая подарок, понимая, что над ней просто подшутили. Чудес не бывает. Отпила остывшего глинтвейна – кисло и противно. Подумала. Потом из любопытства все же открыла коробочку: там лежал узенький черный браслетик из чего-то вроде пластмассы. На свету чернота немного отливала синими искрами, а сам браслетик почти ничего не весил. Но, в общем, стильный. Подобные штуки иногда дают в дорогих магазинах одежды в подарок за покупку, вот и этой даме в черном тоже, наверное, дали, а он, копеечный такой, ей ни к чему. Вот и подарила жалкому подростку. Подачка. Сама виновата... Пусть будет, пусть напоминает, как стыдно быть жалкой. Да и в самом деле уверенности со стойкостью где-то бы раздобыть, и Мишка спрятала коробочку с браслетом в рюкзак.

Пока она бежала от остановки до дома, куртка опять промокла на плечах и груди, а джинсы – насквозь. Казалось, кто-то с неба нарочно выцеливает ее пожарным шлангом и злой ледяной водой промывает от последнего тепла. Это так невыносимо – когда холодно! Хотелось заплакать, но она собралась и добавила скорости. Пусть небо рыдает захлеб, а она не будет. В подъезде охватило влажной духотой. В лифте лужа – со всех натекло. С Мишки тоже вон капает. Ну и что?

– Как, что, исправила?! – Мама торопливо вышла в прихожую, хотя Мишка вошла бесшумно. – Да что молчишь? Нет?!

– Нет, – Мишка мотнула головой. – Мам, куда куртку повесить? Сырая насквозь. И ботинки вот...

– На репетитора отец денег не даст, – мама забрала куртку. – И так от тебя одни расходы, а толку – ноль. Напихай вон в ботинки газет и поставь к батарее, но не близко. И давай в душ, а то простудишься, Катюшку с Митей заразишь, мне только этого не хватало. Одни проблемы от тебя...

Ну да. Одни проблемы. Мишка сама – целиком одна большая проблема. И помощи ни от кого не дождешься, это она еще летом поняла, когда в жару... Мухи... Да что там летом – куда раньше, в тот жуткий Новый год на даче пять лет назад. Когда в соседней комнате звонили новогодние куранты, а она... В темноте...

– Ноги в тазике с марганцовкой поддержи! – добавила мама в спину. – И лекарством потом намажь погуше!

Как будто Мишка сама не знает, как быть со шрамами. Ну ладно, спасибо, что мама вообще про них помнит.

2

Тридцать первого декабря, бесснежным тусклым утром родители собрались, прихватили с собой младших и уехали на дачу. А «эту дуру» Мишку оставили наедине с учебниками, мол, никакого «Нового года» и подарков не заслужила, сиди учи, дебилка. Хлеб, молоко, овсянка, сосиски, яйца в холодильнике есть, с голоду не помрешь, а проверять будем видеозвонками, и попробуй только уйти из дома! Наступила тишина.

И она поняла, что случилось чудо.

Тихая, тишайшая тишина. Ни Катькиных-Митькиных воплей, ни родительских разборок. Ничего. Лучший новогодний подарок. То ли дождик, то ли мокрый снег шуршит снаружи по стеклам, а она одна в тишине и тепле... Дача эта их... Да чтоб она провалилась! Понятно, сам по себе старый домик под шиферной крышей, тесный и темноватый, ни в чем не виноват, но Мишка ненавидела дачу. Каждый перекошенный наличник, каждую половую доску, каждый тазик на кухне, каждую редиску или луковицу на грядке. Она ненавидела даже Выборгское шоссе, которое вело в дачную сторону, каждый столбик, указывающий километраж. И это была абсолютно справедливая ненависть.

А сейчас – никакой дачи, никакой семьи. Одна. Наконец-то.

Нервы разжались сразу, и Мишка, закрыв за родителями и младшими дверь на все замки, ушла в детскую, залезла под одеяло и уснула мгновенно, будто в мозгу погасили свет.

Проснулась от новогоднего грохота. Фейерверк рванул сразу за стеклами, и Мишка лежала и смотрела на цветные бешеные узоры за, казалось, дрожащими тюлевыми занавесками, не слишком понимая, наяву все это или во сне. Зачем людям такие взрывы пиротехнического счастья? Неужели кто-то на самом деле может испытывать такие же синими и зелеными искрами разлетающиеся во все стороны хорошие чувства? Или – плохие? Вот когда злишься или вдруг ярость – вот тогда больше похоже на слепящие брызги во тьме.

С другой стороны – а злиться зачем? А все это – зачем? Хорошо бы ночью в городе эти фейерверки ничего не подожгли. А то страшно... Папа объяснял, конечно, что большой многоэтажный дом фейерверком не подпалить, а балкона с барахлом, которое может загореться, у них нет. Так что можно не бояться... Она отвернулась к стенке и снова задремала. Пусть календари меняются без нее, ей надо спать, спа-ать...

Только утром, наливая в чай молока, она поняла, что родители так и не позвонили, с Новым годом не поздравили. А сейчас спят, наверное, – что их беспокоить? За окном стояло просторное, безлюдное, с розовым краешком неба новенькое утро. Подморозило чуточку, присыпало снегом. Мишка сладко зевнула, чувствуя, как все тело радуется, что наконец-то выспалось. И варенье клубничное можно есть сколько хочешь, и никакая Катка не ноет: «Мам, она все одна сожрала совсем!», и Митька не тырит из-под руки последнее печенье.

В детской она включила огоньки на елке, построила палатку из одеял, как в детстве, когда Катка еще сидела в манеже, а Митьки и вовсе не было, набросала в нее подушек и устроилась там так, чтобы было немножко видно елку с огоньками и можно представлять, что палатка стоит в волшебном лесу сплошь из новогодних елок. В палатке стало душно, тепло и сонно, и она еще немножко поспала, даже сквозь дрему чувствуя счастье, что никто не придет и не заорет: «Что это ты тут нагородила, дура, убирай по местам, и так в доме черт знает что, иди мой пол, иди мой посуду, иди за хлебом, иди вынеси мусор!» Разбудило ее сообщение от мамы: «С наступившим, ты как?» Мишка написала «Нормально», вылезла из палатки, сфотографи-

ровала страничку из учебника алгебры и отправила вдогонку. Вот они там едят мандарины и гуляют, и у них, в ста километрах от города, может, даже снег есть, а она тут с этой алгеброй наедине... «Сама виновата, – ответила мама. – Смотри мне, чтоб никаких подружек не приглашать!» Как будто у нее есть подружки. Раньше были, да... До лета. Но сейчас нет сил их терпеть. А у них, наверное, нет сил терпеть ее. Да им и стыдно дружить с двоечницей.

Мишка полистала учебник – надо заниматься, да... Хотя бы для того, чтобы не получилось, будто она наврала маме. Но не с алгебры же этой ужасной начинать. Нашла учебник литературы, залезла с ним в палатку и стала учить стихи Пушкина. Выучила. Прочитала весь учебник, поспала. Вылезла перекусить, а за едой читала «Евгения Онегина», попутно посылая Гуглу запросы насчет непонятных фраз вроде: «...и ей он посвятил своей цевницы первый стон». Оказалось, цевница – это лира поэтическая...

За окном лило, уличные огни дрожали в каплях на стекле. Мишка дочитала книгу, устала от переживаний и час, наверное, валялась под елкой, следя за помаргивающими цветными огоньками и размышляя, хотелось бы ей вот так, как Татьяна, влюбиться в этого дурака Онегина, который столько лет спустя сам пристал к ней со своей несчастной страстью. И на кой Татьяне было вообще в кого-то влюбляться? Гуляй себе по усадьбе, читай романы... Так и не придя ни к какому выводу, она заползла в палатку и уснула.

На следующий день было так лень вылезать из-под одеяла, что она вспомнила про «браслет уверенности», залезла в рюкзак, достала коробочку, вынула браслет и решительно просунула в него руку: вот вам!!

Конечно, все это шутка той дамы в черном, у которой просто было настроение подбодрить жалкую девчонку. Но ведь в даме было столько уверенности – вот, наверное, как во взрослой Татьяне, которую увидел Онегин: «Кто там, в малиновом берете, с послем испанским говорит?» Так что, если этот браслетик будет просто напоминать Мишке, как круто быть уверенной и... – как это? – компетентной, то уже хорошо. Ну и волшебство не стоит на сто процентов исключать. В мире много непознанного.

Решительности и правда хватило на то, чтоб выключить елку и сесть за алгебру. Ага, «гляжу в книгу – вижу фигу». А девятого числа надо хоть как пересдать... Алгебру и геометрию на десять утра назначили, русский – на двенадцать... Чтоб не разныться, она переоделась из пижамы в джинсы, футболку и серый свитер, пошла посмотрела в зеркало: да, еще вполне можно сойти за мальчика. Она взъерошила волосы, нахмурилась: мальчик. А мальчики не скулят и лучше разбираются в точных науках. Хотя это вопрос спорный. Но Мишке нравилось притворяться мальчиком. Девочкой быть – ну чего хорошего? Особенно ей, когда нельзя носить юбки, потому что под юбку надо колготки, а колготки на шрамы – невыносимо, чем ни мажься. За эти годы, наверное, она вагон всяких мазей на шрамы вымазала, и отметины, конечно, стали бледнее, но все равно – не сотрешь, и зудят, зудят... Она пыталась смириться со своим уделом, но пока не получалось.

А мальчик в зеркале – классный такой, симпатичный, и улыбка хорошая... В джинсах, а под джинсами никто не увидит никаких шрамов. И умный мальчик-то: ему достало соображения включить Ютуб с уроками: вот алгебра, вот геометрия, вот русский, и добрые, веселые и уверенные учителя классно все объясняют.

К девятому января Мишка стала тонкая, легкая, звонкая, в самом деле как мальчишка; пару раз утром у нее шла кровь из носа и голова кружилась, если резко встать. Браслетик вроде работал: она в жизни не ожидала от себя такой работоспособности. Вернулись родители с младшими, но Катьку отвезли к тете Свете, сестре отца, до конца каникул, а Митька один был куда спокойнее, сидел играл в легио и Мишке не мешал. Мама мешала больше: то «Иди ешь», то «Спать пора, сколько можно!» И вообще родители мешали: то и дело ругались на кухне, спорили. Мама шипела, папа орал. Мишка на ночь покрепче закрывала дверь в детскую, но все

равно не спалось, и она полночи лежала, думала про родителей – но вовремя останавливалась и начинала теоремы в уме повторять, слушала посапывание Митьки и наконец засыпала.

В школу для уверенности и драйва она пошла мальчиком, в джинсах и свитере. Браслет спрятала повыше под рукав. В школе уборщицы, перешучиваясь, отмывали стены; без детей, без их шума было странно и пусто, только учителя пили чай по кабинетам или мучили таких, как она. Сначала ее незаметно трясло, но она постояла в коридоре, прижавшись лопатками к холодной, крашенной «под персик» стене у дверей в кабинет математики, и сердце перестало так сильно колотиться. А за партой она и вовсе успокоилась. Тест по алгебре дали легкий, для дураков-пересдатчиков, которых набралось со всей школы двенадцать человек из разных классов. Мишка решила его минут за десять весь, сдала. Дали тест по геометрии, и тут она провозилась с полчаса, но тоже вроде бы справилась. Оценку вредный Лай Михалыч, естественно, не сказал.

На русском, конечно, было легче. Что там сложные предложения после квадратичной функции... Сдала. Даже слышала, как учительница спрашивает у завуча:

– А мы можем Косолаповой за пересдачу поставить четверку?

Может, браслет и правда волшебный?

Вышла из школы, как будто в новый мир – воздух чистый-чистый, сладкий, зимний: тоже чудо? И вроде бы подмораживает? Небо проясняется. В школьном скверике синицы у кривоватых кормушек суетятся, перепархивают, попискивают. А вдруг наконец снег пойдет и зима наступит, белая, как надо?

Дома было шумно, родители ругались так, что даже из-за двери слышно. Мишка прижалась ухом: нет, орут не на Катку или Митьку, а друг на друга. Мишка вздохнула и тихонько вошла, бесшумно разулась, сняла куртку. Сегодня ругань была из-за продажи участка бабушки Дины, краснодарской, отцовой матери, которая умерла летом. У Мишки зануло внутри, как всегда, когда кто-то упоминал про бабушку. И про то лето. Жара, мухи, темная комната... Ой, нет. Она мысленно шарахнулась от воспоминания, напонила себе: тут зима и холодно. Тут – хорошо. Взяла себя в руки и прокралась в детскую.

Катка и Митька притаились на нижней кровати. Катка, против обыкновения, не сидела, уткнувшись в телефон, а смотрела в пустоту. Перевела взгляд на Мишку: глаза обалделые, пустые, бессмысленные, сама бледная и какая-то взмокшая. Видимо, ей попало опять. За дело или не за что – Мишке стало не важно. Катка – отвратительная младшая сестра, тряпичница, сладкоежка и грязнуля, просто зараза и змеюка подколотная, а не сестра, но вот когда она после родительских выволочек такая пришибленная и полудохлая, как старая тряпка, то к горлу подкатывает злость на отца с матерью и душит так, что слова не сказать – как позапрошлым летом, когда... Подвал этот... Когда Катка потом месяц не разговаривала и была похожа на тряпку. С отцом она до сих пор не разговаривает. Сама Мишка, в общем, тоже... Ну и ему нечего им сказать. Только ругаться умеет.

Митька, жутко неподвижный, сидел, свесив с кровати ножки в сползших носках, и бессмысленно щелкал дверками металлической машинки.

– Давно? – спросила Мишка у Катки.

Та мотнула головой. Потом кивнула. Потом опять мотнула и пожалала плечами. Открыла рот и закрыла. Вышибло из девчонки ум опять. Надо было уводить мелких.

– Одевайтесь, – велела Мишка. – Пойдем погуляем. Прилично одевайтесь, как в кино.

Каникулы, в кино мультики – может, отпустят... Боясь задуматься, она вошла на кухню к родителям: сидят за столом, злобно уставившись друг на друга, шипят. Полная раковина грязной посуды, на плите выкипевшая кастрюля залила все красно-бурым свекольным отваром.

– Мам, пап. Я сдала. Дайте денег на кино по двести рублей, мы на мультики сходим.

– Какие «по двести», это что же, уже шестьсот? Да как тебе не стыдно, зараза такая бессовестная, и так денег ни на что не хватает, – завелась, срываясь на визг, мать. – Вон у папаши проси, может, хоть на детей раздобрыся!

– Пап, я могу их отвести, а сама в фойе посижу подожду, тогда только четыреста...

– Нет у меня лишних денег, – буркнул отец. – Вы и так меня заживо сожрали, а я еще молодой, я пожить хочу! Поняла? – выверился он на мать. – Только и знаю, что пахать, а ты? Обед нормальный сварить не можешь, будто правда жрать нечего!

– Да обеда на те деньги, что ты даешь, одному Митьке не хватит! Да если б я не добавляла!

Мишка посмотрела на злого отца, на потную мать и пожала плечами:

– А вы думали, как будет? Что вы хотели? Дал Бог зайку, даст и лужайку? О чем вы думали, когда троих нарожали?

Отец медленно начал вставать, багровея шеей, и Мишка попятилась. Мать взметнулась, подскочила и залепила ей пощечину. Ожгло болью. Мишка потрогала щеку и усмехнулась:

– Спасибо, родная. – И вышла из кухни, вся гордая и оскорбленная. Бросила через плечо: – Мы гулять пошли. А вы тут хоть заживо друг друга сожрите.

Без спешки, чтоб не показывать родителям, как ей страшно, что они вбегут, остановят, надают пощечин, Мишка собрала мелких. Пальцы дрожали. Катке, обычно сообразительной, приходилось подсказывать, что надеть, а Митьку пришлось одевать как куклу, хотя он, пятилетний, давно умел все делать сам. Увидев на столе остатки распотрошенного новогоднего подарка с конфетами, Мишка на всякий случай собрала оставшиеся карамельки и вафли в рюкзак. Обед пока что не светит.

Зато на улице светило солнышко, пусть низкое, тусклое – Мишка уж и забыла, когда его видела, наверное, еще до Нового года. Тучи расплзались, таяли, небо стало синим-синим и глубоким. С Невы дуло, даже во дворе пахло холодной водой, и они обошли дом, чтоб посмотреть на Неву: ни льдинки. Зимы нет. Простор сине-серой Невы; ближе плотный, в пыли, правобережный поток машин на набережной; далеко-далеко, как в другом мире, сверкающая левым боком на солнце башня Лахта-Центра, а тут – горячий запах эспresso и капучино из кофейни. Из-за этого запаха до слез хочется скорей стать взрослой, чтоб свои деньги и можно тратить их на кофе... Сидеть в кофейне и думать о чем-то дельном, взрослом... Солнце, как всегда в январе, висит прямо над собором на том берегу. Какая ж это зима, если плюс три градуса и вместо снега – пыль? Это и не зима. Так просто, календарь показывает зимние месяцы.

Они долго гуляли в соседнем дворе, где качели и горки, а то в их дворе ничего нет. То есть и двора нет. Один подъезд в башне, на первых двух этажах – грязный большой магазин и выход из подъезда сразу на асфальтовое пятно, заставленное машинами. Вообще, можно спуститься по неровным, за полвека чуть съехавшим с места гранитным ступеням на нижний двор, который считается принадлежностью их дома, но там – только деревья на лысых газонах, а по сторонам – встроенные в цокольные этажи мясной ресторан, магазин зоотоваров и еще какое-то странное заведение, где летом гнездятся бородатые байкеры и стоят прямо на газоне громадные мотоциклы. Мишка летом боялась даже поверху проходить: байкеры все ели и ели мясо из ресторана, как голодные людоеды. Хорошо, что сейчас этим дядькам в черной коже, похожим на бородатых Черепашек-ниндзя, не сезон, и во дворе только лужи и собачьи какашки... А с четвертой стороны под мостом – выезд сразу на набережную, узкий тротуар и все, поток машин – страшно. Не детский двор.

А в соседском, с игрушечными домиками – тихо и хорошо. Митька ожил, бегал, лазил по горкам. Катка грустно скрипела качелями, но, когда во дворе сошлись две собачницы, одна с лабрадором, другая со щенком ризеншнауцера, подлизалась к тетенькам и поиграла с собаками, побегала, бросая мячик щенку. Митька гладил терпеливого пожилого лабрадора и что-то говорил ему в мягкие уши. Пес моргал и медленно мотал хвостом, лизал Митьке ладошки.

Потом собачницы ушли, Митька расстроился, и Мишка усадила его на качели, стала качать и рассказывать, как старый пес нагулялся и хочет спать дома на коврике.

– Я бы тоже уже поспал дома хоть на коврике, – задумчиво сказал Митька.

Мишка дала ему конфету, а Катьке – вафлю. Потом наоборот. Себе взяла карамельку. Нос у Митьки стал холодный и лапки тоже. Катька переминалась возле качелей, потом отошла к скамейке и присела, нахохлившись. У Мишки замерзли ноги, и настолько, что мантра «холодно – это хорошо» больше не помогала. С Невы дуло в щели между домами, из подвалов выползала тьма. В окнах домов светилась яркая тихая нормальная чужая жизнь. Ветки старых черных деревьев оцепенело однообразно покачивались, а внизу в темноте, казалось, ходит кто-то черный. В огромных окнах новой библиотеки в соседнем доме, близнеце их собственного, так ярко сиял свет, что стало понятно – уже сумерки. Вот бы они жили в этом доме, где на первых этажах библиотека, а не в том, где грязный магазин, в который мама не разрешает даже за хлебом заходить, чтоб не принести домой заразу. С библиотекой-то и вся жизнь, наверное, стала б совсем другая... Ой! Библиотека. Книжки. И еще не поздно, еще рабочий день! Туда можно!!

– Там, – она ткнула пальцем в библиотеку, – есть детский отдел. И много-много книжек с картинками. Идем?

– Я домой хочу, – беспомощно сказал Митька. – То есть домой не хочу, но хочу дед-морозовский конструктор. Как ты думаешь, папа, когда нас выгонит, конструктор ведь не отберет? Или себе оставит?

– С чего это папа нас выгонит? – замирая, переспросила Мишка.

– Он так маме сказал: «Убирайся со всеми спингрызами на все четыре стороны!»

Катька подошла и молча кивнула, растерянно глядя на Мишку. Отвела глаза, порыла башмаком подмерзший песок у столбика качелей и снова взглянула – глаза сухие, злые и несчастные.

– Они разберутся, – с надеждой, которой не чувствовала, сказала Мишка мелким. – Сколько раз они ругались, а потом опять мирились. Все будет нормально.

– А если не разберутся? – набычилась Катька. – Мишка, Мишенька, может, нам сразу сегодня к бабушке пойти?

Мишка представила бабушку Лену, добрую и мягкую, мамину маму, ее пирожки с ягодами и с капусткой, ее однокомнатную крохотную квартирку в старой пятиэтажке в двух останках отсюда. Раньше там пахло старинными духами, можно было заводить проигрыватель с черными пластинками и слушать хрипящие советские сказки или перебирать бабушкины брошки, бусы и колечки в деревянной шкатулке, наряжать принцессой маленькую Катьку, а бабушка Лена читала им наизусть Блока и Мандельштама... Но теперь там пахло не духами, а лекарствами, а в мусорке валялись шприцы от обезболивающего.

– Бабушка болеет, – вздохнула Мишка. – Пойдем в библиотеку, погреемся, книжки полистаем. А там и они позвонят. Наверное. Пока не позвонят, домой не вернемся.

3

Через три недели снежная зима так и не наступила, и дни стояли серые тусклые. Календарь уперся в февраль – и ни с места, заглох. Мама забрала Митьку и ушла жить к бабушке, потому что той требовался постоянный уход, а с Митькой маме было проще: только в садик утром отвести, вечером забрать. Мишка и Катька пока остались с отцом, который почти не появлялся дома, – но он и раньше часто уезжал в командировки: то в Петрозаводск, то в Новгород, то вообще куда-то за Москву. Мама прибегала раза два в неделю, варила суп и жарила котлеты, а макароны или гречку Мишка к котлетам на ужин варила сама. Утром – яичница и проследить, чтоб полусонная Катька все доела, а обедали они в школе бесплатно, потому что

многодетная семья. Еда там была так себе, но все же еда, и между пятым и шестым уроками они встречались в столовке, садились напротив и съедали все, даже кислотный рассольник по средам, потому что есть-то хочется и расти надо, как убеждала Мишка Катьку. Потом Мишка шла на шестой урок, а Катька или на какое-нибудь ИЗО, или на тестопластику, или в школьную библиотеку помогать библиотекарше – а на самом деле вымогать внимание у чужого взрослого человека. Впрочем, за тем же самым она ходила и на все кружки – чтобы ей говорили: «Катенька, какая ты молодец, вы только посмотрите, какая Катенька талантливая» и гладили по головке. Мишка только одно ей велела:

– Никому не смей рассказывать, что мы одни почти живем! Вот ни единой душе, ни класснушке, ни подружке! Ни слова! А то заберут в кризисный центр какой-нибудь, в приют для беспризорников, а там дети всякие-всякие, они тебя бить будут за то, что ты домашняя и мама с папой есть!

– Да их все равно что нету!

– Есть. Никуда не денутся. Это они друг друга могут в своей жизни отменить, нас-то не отменят. Наверное. И потом, мы что с тобой, плохо живем?

– Хорошо. Как мышки-норушки, – кивала Катька, слабо улыбаясь.

И правда они жили как мышки-норушки, тихо, не ссорясь. Иногда было одиноко и страшновато, особенно ночью: казалось порой, что кто-то черный и чужой неслышно ходит в темноте родительской пустой комнаты. Мишка туда и днем старалась не заходить – что смотреть на пустоту? Но вообще без родителей в квартире было хорошо, тихо, только Ютьюб бормотал и бормотал Мишке, растолковывая уроки, а Катька, сделав домашку, или рисовала, или сидела в телефоне, или тихонько смотрела телевизор в пустой комнате родителей – она пустоты не боялась. Такая самостоятельная жизнь словно вернула их в домитькины времена, когда их было только две сестрички, старшая и младшая, и Мишке нравилось водить ковыляющую Катьку за руку и чувствовать себя большой. Сейчас Катька снова сделалась ручная и признавала Мишкин авторитет:

– Мишка, как же мы дальше жить будем?

– Нормально будем жить. Катя, слушай. Маме тошно и тяжело. Бабушка скоро умрет, но пока все ужасно, и мы не должны маме добавлять плохого.

– Бабушка Лена умрет, как бабушка Дина?

– Бабушка Дина вдруг умерла, неожиданно, – Мишку затрясло, изнутри полыхнуло жаром, но она перевела дыхание, вцепилась в браслет уверенности, и ее отпустило. – А бабушка Лена уже полгода умирает. Мама должна за ней ухаживать. А мы должны хотя бы без двоек учиться, чтоб маму в школу не дергали, и жить так, чтоб она сюда приходила и видела, что у нас чисто и порядок.

Катька сидела в кровати на коленках, бессильно уронив рядом телефон с попискивающей игрой, покачиваясь взад-вперед, и молчала.

Тогда летом, обнаружив утром мертвую бабушку, Мишка сразу отвела Митьку и Катьку к соседям. Нашел бабушку рано просыпавшийся Митька, но он вроде бы не понял, что она умерла, пришел и растолкал Мишку:

– Ой, ты проснулась, а я думал, что вы все три насовсем уснули! Мишка, а чего бабушка не встает? Она мне драников на завтрак обещала, а сама не встает! Дай мне хоть молока, Мишка!

Катька мертвую бабушку не видела, хоть и пришлось ей сказать, что бабушка умерла, чтоб не упиралась и пошла с Митькой к соседям. Но она наверняка что-то запомнила из всей той страшной суеты деревенских похорон. А еще наверняка придумала всяких ужасов. Потому что всю осень рисовала где попало, даже в тетрадках, гробы с венками сверху, похожие на пирожные, и пирожные, похожие на гробы. И училась плохо. Но теперь все стало получше, и в Катькиных рисунках появились щенки и принцессы. Все, правда, еще очень грустные, но ведь

грустные щенки при любом раскладе лучше пирожных с венками. Мишка погладила черный браслетик на запястье: какой он хороший! В самом деле помог. Вот и не верь после этого в чудеса.

– Давай постельное белье поменяем, – сказала Мишка. – Обдирай, а я буду пол мыть и пылесосить. А как приберемся, пойдем печенье печь.

Катька понуро встала и вытащила подушку из наволочки:

– С изюмом?

– С изюмом. Там вроде еще остался, – согласилась Мишка, оглядывая захламленную детскую. – Кать, знаешь что? Давай как следует приберемся. Вот просто суперски приберемся! Чтoб как будто все новое!

– Как следует? Вот чтoб как в Икее, красиво?

И они принялись за уборку. Стиралка ворчала, пережевывая пододеяльники и отцовские рубашки, которые валялись в ванной с его приезда неделю назад. В прихожей копились пакеты с мусором: рваные носки, ломаные Митькины игрушки, старые тетрадки и прочая дрянь. Мишка выдвинула свои ящики письменного стола:

– Тебе что-нибудь из этого надо? Бери все, что хочешь, остальное я выкину.

Увидела белую коробочку из-под браслета: выкинуть или оставить? Открыла и наконец заметила, что там лежит перевернутая белой стороной и потому почти невидимая визитка. Вынула: «Волшебные украшения». Да ладно, серьезно? Волшебные? И сайт, и телефон. Интересно, это телефон той дамы в черном или мастера, который просто отливает из какого-то композита всякие брошки-браслетики? А если б это телефон дамы, то что – позвонить? Сказать: «Ваш браслет правда волшебный, он исправил все мои двойки»? Мишка спрятала визитку в коробочку и сунула ее обратно в ящик, к учебникам. Пусть останется на всякий случай.

Катька из Мишкиных «богатств», над которыми раньше завистливо ныла или вовсе подворовывала ручки и точилки, выбрала только розовую линейку и почти нетронутую коробку акварели, а все остальное Мишка безжалостно вытряхнула в мусорный мешок. Рисунки, коллажики, дурацкие самодельные стишки в цветных блокнотиках, плетенные из бисера ерундовины – всю-всю детскую чушь.

– Ой, ты что? – Катька вытащила из мешка, как из прошлого, рисунок с кривым, глупо улыбающимся апельсиновым лабрадором: – Хороший же! Тебе не жалко?

– Нет. Пустая трата времени, – Мишка отняла лабрадора, порвала пополам и сунула в мешок. – Все это полная ерунда. Мозг хочет чем-то себя занять, вот и все. Лучше его занимать делом.

– Все равно жалко, – буркнула Катька. – Но если подумать... Да, все это просто детский мусор. А я уже большая.

И тоже выкинула залежи своей разноцветной ерунды вроде старых фломастеров, рисунков и альбомчиков, аккуратно сложила тетрадки и книжки:

– А так спокойнее, правда?

Так же они поступили с одеждой, выкинув все старье, потом перешли на кухню и разобрались с кухонными шкафами.

– Маме просто некогда вечно, – подумав, сказала Катька. – Иначе бы у нас тут всегда так сияло, мама же любит, чтoб красиво, правда?

Мишка пожала плечами, глядя на заплесневевшую заварку в потемневшей жестянке:

– Любит, наверное. Но три ребенка мало что оставляют от красоты. Ладно, Кать, мы теперь в самом деле большие, так что сами справимся. Так, это вон, и эту битую кружку тоже вон...

Потом они вынесли мусор, вымыли везде пол и долго-долго пекли печенье с изюмом. Мишка, конечно, адски боялась раскаленной духовки, но ей удавалось скрывать это от Катьки; когда печенье подрумянилось, Мишка, собравшись с духом и надев толстую-толстую специ-

альную рукавицу, ловко вытащила противень и поставила на конфорки, аккуратно лопаткой переложила печенье на Катькину детскую тарелку с собачками, придвинула к сестре – и Катькины глаза засияли, будто в них включили по большой лампочке.

Мишка перевела дух. Сердце колотилось где-то в горле, на лбу выступил пот. А ведь еще чайник. Она налила в него воды, поставила на базу, щелкнула кнопкой. Загорелся жуткий красный индикатор. Она села на стул в дальнем от чайника уголке кухни. Когда вскипит, надо подстроить, чтоб кипяток в чашки налиwała Катька... Или все-таки себя пересилить? Правильно мама говорит, всю жизнь от плиты да от чайника шарахаться не будешь. Надо себя тренировать, да. И когда чайник щелкнул, она сделала над собой усилие, встала, насыпала заварки в синий старенький чайничек, взяла большой – руки дрожали – и осторожно-осторожно, едва наклоняя, налила кипятка в заварочник. И чтоб отмучиться за один раз – в кружки. Поставила чайник на место, отодвинула подальше к стене. Спина взмокла, и голова чуть кружилась. Но она молодец, да.

Зато – печенье. Горячее, пахнет сахарком и изюмом. У Катьки за чаем с печеньем порозовели щеки, глаза сияли. А за окном шел дождь – сплошной стеной. Наверное, нормальной зимы со снегом и вовсе не будет. Наверное, с этим миром правда что-то не в порядке. Что-то развалилось в нем так же, как в жизни их семьи. Ну и пусть. Ей-то какая разница? Пережить бы весь этот трабл с родителями, выцарапаться. А потом будет взрослая жизнь, в которую она, кого захочет – того пустит. А может, и вовсе никого не пустит. Ну их всех.

Наутро она решила проверить, правда ли браслет волшебный. Сегодня контрольная по английскому и лабораторная по физике, если пойти без браслета – что будет? И она сняла его и спрятала под подушку. Запястье замерзло сразу. Пока варила овсянку – та подгорела. Катька ныла, и пришлось на нее рявкнуть; младшая огрызнулась, слово за слово, и в школу они пришли злые на весь мир. Из столовки несло рыбными котлетами и чем-то подгоревшим. Литературу и русский заменили двумя алгебрами, контрольная по английскому оказалась чудовищной, потом еще заныл живот, а в столовке какой-то пацан, которого толкнули, нечаянно облил Катьку компотом, и пришлось ее, злую и шмыгающую носом, приводить в порядок. На лабораторную по физике Мишка опоздала, попала в пару к двоечнику Кольке Кулябкину, который и сам не понял, что объясняли, и утруждаться не собирался, и Мишка ничегошеньки толком не сделала и не написала. А когда после звонка забрали тетрадку и выгнали из класса, в туалете обнаружила, что началось «это дело» и, если б не черные джинсы, был бы позор на всю школу.

Дома скорей она бросилась к кровати, вытащила браслет, надела – и по всему организму будто разжались ржавые кандалы. Все хорошо. Она приняла теплый душ, поухаживала маминым бальзамом за волосами. Живот согрелся и перестал ныть. Мерзкое «это дело», очень мерзкое, но мама говорила, мол, зато организм в эти дни весь обновляется, омолаживается. Может, и правда. Когда «это дело» кончается, в самом деле можно взлететь уже только от счастья, что все, на месяц свободна от противной этой особой гигиены. Когда она вышла вся чистая и теплая, в стареньком любимом халате, Катька уже подогрела суп и стала подлизываться:

– Мишка, ну ты не сердись, ты ведь хорошая... А давай, когда уроки сделаем, опять шоколадное печенье испечем? Завтра мама придет, мы ее угостим, и Митьке она отнесет, да? Давай? Испечем? Ну, Мишка? А пока ты будешь печь, я пол в комнатах помою?

– Ладно.

Больше Мишка браслет не снимала.

В школе, в общем, дела шли правильно, и двойки по физике и английскому она исправила на той же неделе. По вторникам, средам и пятницам, когда из расписания гвоздями торчали страшные физика, химия, алгебра и геометрия, Мишка надевала не брюки с блузкой, а джинсы и серый свитер и притворялась умным мальчиком. Двойки вообще сменились тройками, спасибо Ютьюбу, и, даже когда пошли предэкзаменационные пробники, она справилась

на три-четыре. Нормально. Устное собеседование по русскому в начале февраля легко сдала на двадцать из двадцати баллов, и классная сказала, что вроде как не все потеряно насчет допуска к ОГЭ. Мишка день за днем училась допоздна, не понимая, что в этих нехитрых школьных учебниках такого сложного, чтоб так испортить ей жизнь по осени. Вспоминался бесконечный серый дождь, жужжание и пустота в уме. Но это ведь прошло? Насовсем прошло? И все, что было нужно – чтоб из жизни почти исчезли родители и в доме наступила тишина?

Какая хорошая стала жизнь, тихая! Только точки темные иногда перед глазами летают от усталости, но это ведь хорошая усталость, потому что силы потрачены не на нытье или ерунду, а на дело. Правда, сама себя Мишка бы не смогла заставить – и она поцеловала браслетик со словами: «Спасибо, ты молодец». Наверное, он в самом деле волшебный, потому что до него из всего ее организма и капельки уверенности не удалось бы выжать, как не выкручивай. Теперь Мишка чувствовала себя настолько уверенно, что даже сходила в Катькин класс на родительское собрание и сидела там одна среди чужих взрослых: Катька, сказали, вроде как тоже взялась за ум.

Еще Мишка попросила, чтоб мама научила ее варить простой суп: куриная грудка плюс замороженные овощи – и теперь справлялась с едой для себя и Катьки вообще сама. По субботам и до утра понедельника они с Катькой забирали к себе Митьку, чтоб мама хотя бы от него отдохнула. Митька был Митька: скакал, орал, смотрел мультики, цеплялся к Катьке, вис на Мишке, но что-то быстро уставал и тихонько играл в свое лего. Больше всего ему нравилось в тишине сидеть под письменным столом, когда Мишка делала уроки, а если она уходила на кухню варить обед, то он собирал детальки конструктора в подол рубашки, плелся следом и потом играл уже под кухонным столом. Мишка как-то заметила, что он не строит, как всегда раньше, машинки с колесиками или самолеты, а собирает домики без крыши или коробочки. А однажды стал просто собирать все детали в сплошную стенку.

– Это крепость? – осторожно спросила Мишка.

– Это волшебная стена. Защищает от всего, – солидно сказал Митька. – Тебя я тоже за ней спрячу. Катьку... Ну, Катьку тоже, хотя она вредная. Но она собак любит, а я тоже собак люблю.

– Я тоже хочу такую волшебную стену «от всего». Да, и Катьку тоже возьмем, она же сестра, – сказала Мишка, смутно понимая, что каждый благополучный день в школе и каждый тихий вечер дома для нее все равно что прозрачный кирпичик в ее собственной волшебной стене. И надо стараться, чтоб стена эта скорее становилась повыше.

Потому что по ночам, если проснешься – страшно. Она одна с младшими, и как их защитить, если что?

Отец приезжал несколько раз. В будние дни молча съедал Мишкин суп, менял белье и рубашки в сумке на чистые, отсыпался, а когда Мишка и Катька возвращались из школы, на кухонном столе лежала красная бумажка. Можно было разок сходить в кино, но потом аккуратно тратить деньги только на еду. Ну, еще разок, вместо кино, купили Катьке белую блузку в школу: ее заставили участвовать в конкурсе стихов наизусть, а старую блузку Мишка нечаянно постирала вместе с джинсами – и она стала не голубая, а противно серая. За конкурс Катьке дали грамоту, «Третье место», но показывать ее было некому, а потом Митька изрисовал ее с другой стороны какими-то волосатыми червяками и собаками. Собаки у него получались симпатичными и грустными.

Он, вообще-то, был хорошим парнем, добрым, и его любили все. Приехавший на выходные отец, увидев Митьку, оживлялся, хватал его на руки, а предатель Митька вис у него на шее и тархтел ему в уши про всякую детскую ерунду. Отец забирал его, через раз прихватывал и глухо молчащую Катьку и вел их в цирк или аквапарк, звал и Мишку, но она мотала головой. Отец и не настаивал:

– Ну и правильно, сиди уроки учи, двоечница. Может, даже что-то выучишь. Да на обед свари хоть картошки.

Иногда Катька приносила Мишке из этих походов остывший гамбургер или половинку шоколадки. В общем, Мишка была рада приезду отца, потому что мама давала совсем мало денег; а еще отцу был рад Митька – за Митькину радость она была готова вынести что угодно. Катька отца терпела кое-как, боялась, но он покупал мороженое-пирожное, ну и сам по себе цирк – это круто, и она устоять не могла, несмотря на все обиды и страхи. А Мишка с отцом старалась не разговаривать: и чтоб не разозлить нечаянно, и чтоб не расспрашивал про мать, и чтоб не подумал, что она простила за распад семьи или за лето. И матери про отца говорила кратко: «Да, приезжал, купил Митьке ботинки на весну».

Глава вторая

Ангелы рядом

1

Из-за волшебной стены проще было смотреть на людей. Потому что им никак Мишку не достать, не обидеть, чего бы они там ни верещали. Они – там. Не с ней. Вот и хорошо.

Она только не понимала: а Митька и Катька тут с ней за стеной или все-таки снаружи? Наверное, они какие-то проникающие. Иногда они тут, милые и родные, такие тепленькие, привычные, возятся рядом, едят макароны, которые она сварила, подлизываются; а купать маленького Митьку, заворачивать в полотенце и одевать затем в пижамку и укладывать, сонного, – все равно что в куклы играть, такая радость. А потом мама его на всю рабочую неделю забирает, можно отдохнуть.

Но вот от Катьки некуда деться. Всегда вместе. Смутно Мишка помнила время, когда Катька еще не родилась, – и как же это было хорошо! Родители как добрые великан и великанша. Папа носил на руках, мама была мягкая и большая, как полное ласки облако. Утром по выходным можно было прийти к ним и играть в «три медведя»: папа – большой медведь, мама – медведица, а Мишка – их самый любимый маленький медвежонок.

А потом появилась эта противная пискля. Кажется, родителям она тоже не нравилась, потому что орала ночами, но они большие, они все время с ней возились, а Мишку только дергали за руку, отволакивая в детский сад. И потом отец стал все чаще говорить: «Девчонки, девки, девицы», и что-то нехорошее Мишка чувствовала в его тоне. Девчонки – это плохо. Одна Мишка – это было еще ничего, он терпел, а вот две дочери – это уже наказание. Как будто они виноваты, что родились девчонками.

Ну, что не виноваты – это Мишка потом поняла, а тогда было так противно и стыдно быть девочкой, что перед первым классом она всерьез вымаливала, чтоб ей как форму в школу купили не юбку в складку, а брюки и чтоб в школу записали не как Машу Косолапову, а как Мишу – все равно ж дома они ее Мишкой зовут, потому что она их самый любимый медвежонок! Это в садике все знают, что она девчонка, а в школе-то ведь можно начать новую жизнь? Никто и не догадается! Дурочка маленькая. Не знала, что все равно по жизни придется в штанах ходить, даже летом. А тогда, когда она сдирала с себя юбочки, родители сначала смеялись, объясняли и в угол ставили, потом, когда она продолжала ныть, отец схватил, встряхнул и наорал так, что она три дня потом молчала. Ну хоть Мишкой продолжали звать, впрочем по привычке. Почему настоящим медведям да и вообще всем животным не важно, мальчик или девочка у них детеныш? Любят, и все... А ее любить перестали. Из-за ожогов.

А если б Катька родилась мальчишкой? Тогда б, наверное, и Митьки не было, и жили бы они вчетвером спокойней и веселее. Умом Мишка понимала, что Катька не виновата ни в чем, но даже сейчас, в покое их тихой трусливой – вдруг в школе узнают, что они живут одни! – жизни Катька иногда казалась не сестрой, а какой-то чужой девочкой, невесть с чего спящей в соседней кровати. Вот бы ее не было!

А от шумного нервного Митьки она вообще успевала за неделю отвыкнуть, и за воскресенье его детская навязчивость и нытье раздражали так, что хотелось превратить его в куклу и повесить на крючок в какой-нибудь темной кладовке. Катьку временами – тоже, и дверь кладовки запереть на большой замок, а ключ с моста в Неву выкинуть. Правда, сейчас подмораживает и Нева почти вся под коркой тонкого льда; ну, можно дождаться, когда пройдет маленький красно-синий ледокол, прорезающий вдоль ледяную корку по всей Неве, и тогда скорей про-

бежать по Большоохтинскому мосту до башен на середине и бросить с высоты ключ в эту черную, парящую водяную рану... И сделать вид, что никаких Катьки и Митьки не было вообще.

В феврале в школе пришла пора медосмотров, и приходилось вместе со всеми ходить по раскисшему саду «Нева», а потом дворами в детскую поликлинику то на флюорографию, то по специалистам. Дерматолог хмыкнула и спросила, как она ухаживает за шрамами. Мишка перечислила, какие вспомнила, названия мазей, а доктор кивнула:

– Вроде все правильно делаешь, но что-то мне не нравится – кожа такая сухая, ты не экономишь? Шрамирование-то вон какое значительное, да еще зима – мажь как следует, побольше, поняла?

Поняла. Чего тут не понять? Только денег нет, а мазь дорогая и кончилась месяц назад. Мишка мазала детским кремом, но он совсем ерундовый. Шрамы сохли и чесались.

Невролог как-то слишком внимательно посмотрела на Мишку и вроде бы даже поморщилась – а может, это лишь показалось, потому что в карте она написала «здорова» и приклепила синей маленькой печатью. Во время этих походов в поликлинику приходилось разговаривать с одноклассниками, занимать очередь, что-то отвечать, и Мишка из-за своей невидимой стены разглядывала их как впервые. Все какие-то дерганные, суетливые, болтливые, бледные. Ну да, конец зимы, ресурсы на исходе. Наверное, невролог через одного на них морщилась, как на Мишку. Или даже чаще. Ох, ну ведь не хочется, совсем не хочется быть одной из тех, на которых доктор морщится, мол, не нервная система, а рваная тряпка? Мол, подросток – это уже диагноз?

Проходившие мимо их шумной кучи по тесному белому коридору мамочки с детьми подтаскивали малышей к себе поближе или вовсе подхватывали на руки и ускоряли шаг. Хотя мальчишкам и девочкам не было до этих мамаш никакого дела, будто они жили в параллельном мире. Мишка поглядывала на малышей – мамашам, наверное, трудно представить, что из их нежных колобков лет через десять получатся вот такие же костлявые, ростом под потолок, прыщавые парнишки или грудастые девочки, половину из которых легко можно принять за молодых мамаш. Среди одноклассников были и запоздавшие, вот как сама Мишка: подростки, но еще ближе к детям, чем ко взрослым, легкие, грациозные – смотреть приятнее. Но и их час придет, и природа возьмет свое: у мальчишек развернутся плечи, огрубеют лица; у девочек отрастут, где положено, лишние, биологически привлекательные килограммы. Мишку слегка затошнило, и она скорей схватилась за волшебный браслет: ничего со взрослением не поделывать, а оттягивать неизбежное – как? Как остаться навсегда легкой девочкой? Перестать есть, как психопатки-анорексички? Да она и так мало ест, если еще меньше – голова не будет работать... Тоска. А ведь как все хорошо шло до двенадцати лет: растешь, умнееешь, становишься ловкой и точной в каждом жесте – и вот на тебе... После ожога хуже дня, когда пришло первое «это дело», был только тот, когда умерла бабушка Дина, и Мишка выла весь день на крыльце от беспомощности, а люди проходили мимо... Ну, люди есть люди. Все, не надо вспоминать. Ни о чем. Надо думать вперед, а не в прошлое... Все равно все умрут. Она посмотрела на шумных одноклассников: интересно, а кто из них умрет первым? А кто останется последним? И можно ли это как-то предсказать?

Подходила ее очередь на диаскинтест, и она переместилась к открытым дверям кабинета. Танька-фигуристка взглянула на нее сквозь свисающие на лицо невымытые космы, как кикимора из водорослей:

– Тебе страшно? А мне страшно, ужас как страшно!

Мишка изумилась: на почве «нищасной любви», как сама Танька писала в ВК, эта дура исполосовала себе предплечья тонкими порезами с внешней, где кожа потолще, стороны и подновляла этот узор чуть ли не каждую неделю, сопровождая в беседе класса душераздирающими постами, которые никто не читал. За партой она сидела, подпернув розовые рукава

и всем напоказ выставив накожное творчество – прятала только от учителей, а дуракам, кто интересовался, зачем она себя режет, сквозь зубы отвечала: «Тебе не понять». С «нищасной любовью» ее тоже было не понять: розовая толстовка «Want love?» и длинные ноги успешно привлекали глуповатых парнишек даже из десятого и одиннадцатого, и фигуристой ее звали давно уже не за фигурное катание в детском прошлом, а за крупную фигуру. А еще у нее не было матери, ее растил отец, которого почти всегда не было дома, и Танька жила как хотела. Если дура Танька справляется без матери, то неужели Мишка не справится?

– Больно ведь будет! – пожаловалась Танька.

Мишке даже в голову не приходило, что диаскинтест – это больно. Вот ожоги – да. И перевязки потом – да. А всякие прививки и порезы – чушь полная.

– «Чик-чик» тебе, Неземновская, не больно, – засмеялась над сопящей Танькой Надя из параллельного класса, – а диаскинтест, как комарик, укусит – это прям ужас-ужас и в обморок упадешь?

– Вот возьму и упаду, – обрадовалась Танька перспективе. – А вдруг?

Что-то было в Таньке от десятилетней нервной Катьки, которая ходила по кружкам собирать внимание взрослых. Таньке, наверное, было нужно шлепнуться на пол, чтоб взрослые забегали вокруг, капая на ватку нашатырь и подсовывая к Танькиному толстому носу, на котором ярко цвел багровый прыщ. Бедная... Толстовка ее сделалась сероватой, застиранной, от букв про любовь кое-где отвалились стразики. Если б природа заперла саму Мишку вот в таком же крупном, жирноватом, едва не лопающемся от гормонов теле со слабым мозгом, что она стала бы делать? Только и осталось бы бессмысленно скулить, как Танька в инсте... А еще у нее там попадаются посты про фигурное катание. Или даже фотки с катка: Танька часто ездила кататься то в Ледовый, то в Севкабель, то еще куда. В началке она ходила на фигурное катание, была худая и длинноногая, как кузнечик, с вечной глупой и счастливой улыбкой – а в пятом классе ее вышибли оттуда за лишний вес. Еще, наверное, за глупость, раз не могла выучить, когда в прокатке вираж, когда прыжок, но и за то, что она правда была тяжелее и крупнее всех и уже в пятом ей пришлось носить взрослый лифчик...

Чтоб не раскиснуть совсем, Мишка отвернулась. Ей самой пока что везет, грудь почти незаметна, но временами побаливает – вдруг вот-вот начнет отрастать? На улице-то всем безразлично, как ты там одета, все равно все в джинсах. Да и вообще плевать всем, мальчик ты или девочка, всем плевать даже, что ты вообще существуешь, дышишь, думаешь, смотришь. Ну кому важно, что вот такая девятиклассница Мишка вообще на свете есть? Разве что завучу в школе, которая отвечает за допуск к экзаменам: она вчера вызвала, похвалила, сказала, что «вы, Косолапова, успешно ликвидировали задолженности за первое полугодие, и потому я вас внесла в списки учащихся, которых мы рекомендуем допустить к ОГЭ. Надеюсь, вы не испортите школе статистику и не подведете своих педагогов неудовлетворительными оценками». На кой только черт это ОГЭ? Ни на что не влияет, училища не интересуется. Но никуда от него не денешься. Надо как-то сдать. А то аттестат не дадут и что тогда? Даже в гипермаркет не возьмут банки на полках расставлять.

Дома Мишка дала Катьке полдник: молоко с крошащимся кексом из ларька хлебозавода, где все стоило в три раза дешевле, чем в нормальном магазине. Отец давно не появлялся, мама дала на прошлой неделе только тысячу, от которой осталось рублей триста. Но ничего, есть картошка, макароны и пара банок рыбных консервов, а в банке на окне из луковицы прорастают толстенькие темно-зеленые перышки, их скоро можно будет срезать и посыпать картошку, Катька такое любит. И мука есть, и три яйца, на ужин можно взять одно и замешать оладушки, как когда-то научила бабушка Лена. Катька с вареньем слопает все и еще попросит... Из-за похода в поликлинику Мишка пропустила школьный обед, но есть совсем не хотелось. Только тошно и голова слегка кружится. Изюмины из Катькиного кекса казались похо-

жими на давленных жуков, и она скорей отвернулась. Молока тоже надо оставить на утро, чтоб сварить овсянку, и Мишка немного долила Катьке в кружку и спрятала пакет в холодильник. Оглядывая почти пустые полки, подержалась за браслет: все будет нормально. Родители про них помнят и без еды не оставят. Наверное.

Она ушла в детскую и села за уроки. Взяла учебник, полезла в ящик за тетрадкой по физике – рука скользнула по белой коробочке из-под черного браслета. Зачем-то – наверное, в глупой надежде, что чудеса случаются, – Мишка достала и открыла ее, вынула визитку: сайт «Волшебные украшения». И больше ни слова. Но ведь черный браслет правда обладает каким-то волшебством уверенности, иначе разве вылезла бы она сама из всех своих двоек? Разве смогла бы день за днем строить невидимую стену, за которой так спокойно? Она посмотрела на браслетик на руке: в черной гладкой поверхности отражался перевернутый мир. Мишка включила ноутбук, набрала адрес сайта... И на нее дружелюбно взглянула та черная дама.

2

На следующий день с пятого урока пошел крупный снег, и они под этим нежным редким снегом ждали черную даму на углу у школы. Катька, впрочем, не понимала, кого и зачем они ждут, но терпела: Мишке надо – значит, надо. Мишка устала: едва высидела шестой урок и теперь сознательно, через силу заставляла себя стоять прямо, развернув плечи, – не хотела показаться жалкой. А из Катьки била энергия – библиотекаря за подклейку малышей книжек только что угостила ее чаем с пряниками. Она крутилась вокруг Мишки, пританцовывала, ловила на розовый смешной язык снежинки, вертела перед Мишкой пряником:

– «Пряник мятный, ароматный, удивительно приятный!» Мишка, ну ты что, не помнишь, это же из этого... Из Чуковского! Мишка, ты почему пряник не хочешь? Я для тебя нарочно взяла! Ты ж в обед вообще не поела, я видела!

Из-под белой шапки у нее выбились казавшиеся шоколадными косматки, глазищи сияли и цветом тоже были ну точно как круглые шоколадные конфеты. Когда-то мама и самой Мишке говорила, что у нее глаза шоколадного цвета. А Катьке, кажется, забыла такое говорить. Хотя Катька куда красивее Мишки и милее. Мимо прошел дядька с двумя красивыми золотистыми ретриверами на поводках, и Катька замерла от счастья. Потом пристала к Мишке:

– Видела? Ты видела, какие красавцы? – Как же она надоела со своей любовью к каждой встреченной собаке! – Хочу такого песика! Мишка, а тебе какие ретриверы больше нравятся, лабрадоры или золотистые? Мне – все!

– Я не знаю. Ой! Отстань.

Подъехала и плавно прижалась к поребрику большая черная машина. В Мишке сладко замерло сердце. Вчера голос в телефоне сначала был холодноват, но потом дама сказала: «А, медвежонок!» – и дальше весь разговор сделался ласковым и закончился фразой: «Я хочу на тебя посмотреть». Говорить о волшебстве браслета, хотя сайт «Волшебные украшения» был полон магических гипнотизирующих фраз, у Мишки вчера язык не повернулся: стыдно будет, если дама увидит в ней сумасшедшую невротичку, легковерно принимающую рекламу за чистую монету. Но ведь волшебство есть? Она просунула замерзшие пальцы под манжету и потрогала теплый браслет – и сразу стало спокойнее. Ведь дама так ласково разговаривала!

Из машины вышел водитель, высокий мужчина в черном пальто поверх костюма, и эта его белая рубашка с серым галстуком тут, рядом с обшарпанной школой, а не где-нибудь на Невском, была по глазам странным несоответствием. Он улыбнулся:

– Прошу в машину.

Мишка и Катька переглянулись и помотали головами. Катька даже попятилась.

– Да вы никуда не поедете, – усмехнулся водитель. – Ну, вы ж не думаете, что Ангелина Поликарповна выйдет и будет тут на холоде с вами топтаться? – Он посмотрел Мишке в глаза: –

Забирайтесь, а я пока вон в магазин схожу, омыватель закончился, – он махнул рукой на другую сторону улицы, где был магазин автотоваров.

– В таких машинах омыватель никогда не заканчивается, – сказала Мишка, не двигаясь с места. – Наверное. И бензин тоже.

Водитель рассмеялся:

– Девчонки, не смешите. Ну, вперед, вы ж замерзли.

Мишка и Катька снова переглянулись, и Мишка твердо сказала:

– Нет.

– Ок, – водитель поднял большой палец и кивнул Мишке: – Молодец. Первый экзамен сдали. Так, умницы, вон в ста метрах вперед кондитерская, знаете? Мы подъедем, вы дойдете, там беседа и состоится. Так согласны?

– Согласны, – поскорей сказала Катька, для которой слово «кондитерская» само по себе было волшебным, и потянула Мишку за руку: – Мы пройдем.

Эта сотня метров по мокрому, в раскисшем снеге, тротуару тянулась, как сто километров. Мишка шла, шла и шла, и ей казалось, что тротуар колдовским способом ползет ей навстречу, и она перебирает ногами на месте, то и дело поскальзываясь. Вчера она просто сказала хозяйке «Волшебных украшений» спасибо за браслет, который напоминал о том, как стыдно быть жалким подростком, и тем самым помог справиться со всеми школьными проблемами. А потом как-то так получилось, что она попросила совета: как разрешить проблемы, которые кажутся нерешаемыми? Ангелина Поликарповна терпеливо выслушала про разлад родителей, про Митьку и Катьку, про угрозы отца выгнать из дома их всех, про идти или нет в десятый класс или лучше в училище на стипендию и сказала мягко и просто:

– А ты и не должна решать эти проблемы за твоих родителей. Ты – несовершеннолетний ребенок, помнишь? Во всей этой ситуации ты должна думать о себе: как повысить собственную ликвидность. Сосредоточиться на том, чему еще тебе нужно научиться, чтобы противостоять такому давлению.

И вот теперь Мишка скорее торопилась к волшебной даме, потому что та сказала, что хочет сама снова Мишку увидеть, оценить и тогда уже вместе подумать, что Мишка должна в такой ситуации сделать, чтоб защитить себя и младших. И на этом бесконечном скользком тротуаре было очень страшно, что вдруг Ангелина Поликарповна посмотрела на нее из окна машины, оценила и уже сделала вывод, что никакой помощи, даже советом, Мишка не заслуживает.

Катька поскользнулась, шлепнулась:

– Ай!

– Больно? – Мишка подхватила ее и поставила на ноги.

– Да, – Катька потерла коленку. – Идем, да? Мишка, а если они нам правда пирожных купят, есть можно?

– С чего это они нам должны пирожные покупать? Иди давай. Там будет просто важный разговор, и все.

– А я хочу пирожное, – грустно сказала Катька и похромала дальше. – Давай хоть экономим скорей как-нибудь на пирожное.

– Я тебе печенье напеку, – Мишке горестно перехватило дыхание от того, что нужно завести Катьку в кондитерскую, где сладко пахнет и в витрине, в золотом свете, лежат всевозможные пирожные, а покупать их не на что. – А может, домой пойдешь или вон, на площадке поиграешь?

– Ага, мерзнуть-то. Да не бойся, я ныть не буду, отвернусь от всяких эклеров, и все. Буду думать, как печенье печь.

До чего же тепло и нарядно в кафе, как пахнет кофе, выпечкой, ванилью и шоколадом! Мишка подумала, что пакетик ванильного сахара стоит совсем немножко, надо в печенье...

– Здравствуй, Медвежонок, – улыбнулась волшебная дама.

То есть Ангелина Поликарповна. Она, в норковой шубе, с яркими глазами, казалась еще великолепнее, чем под Новый год в полутемной кофейне, и странно было видеть ее при ярком свете, за столиком, обшарпанном под «прованс», у окна, за которым серый день, а на подоконнике из как будто деревянных ящичков торчит пластиковая обломанная «лаванда». Мишке почему-то стало невыносимо стыдно за эту «лаванду».

– Здравствуйте, – надо поздороваться как можно увереннее и при этом отвернуть Катьку от прилавка. – Я очень рада, что вы приехали.

– А я рада тому, что приезжать стоило. Ты молодец, что позвонила. Садитесь же. А эта твоя сестренка? Боже, какой красивый котенок, – ее глаза вспыхнули. – Тебе сколько, дивное существо?

– Скоро одиннадцать, – солидно сказала Катька и добавила: – Здравствуйте.

Ранец потертый какой у Катьки и не очень чистый; и куртка старая совсем, рукава коротковаты... Да и сама Мишка одета не лучше.

– Я рада, что ты здесь, – кивнула Ангелина Поликарповна, когда Мишка села. – И не стесняйся. Ты – ребенок в сложной ситуации, и так сложилось, что не у кого попросить совета. Знаешь, говорят, лучшие советы дают попутчики в поезде, в самолете. Вот и мы с тобой такие попутчики на жизненном пути. Иногда лучше все рассказать постороннему человеку.

– Вы тратите время. Думаю, ваше время очень дорого.

– Не дороже денег, – усмехнулась та. – А можно этого дивного котенка пирожным угостить? Котенок, как тебя зовут?

– Екатерина, – тоскливо ответила Катька, отворачиваясь от Мишки, и шмыгнула носом, мерзавка.

Вымогательница.

И Мишка кивнула. Через мгновение Катька была уже у витрины и начала сравнительный анализ эклеров, буше и корзиночек, а тетенька за прилавком ее консультировала. Ангелина Поликарповна улыбнулась:

– Не переживай. Этому ребенку необходимо, чтобы его немного побаловали. А о деньгах не думай, потому что я вижу в тебе то... Ну, что вижу, и мне кажется, что ты можешь быть мне полезна.

– Я?! Чем?

– Ты сообразительная, целеустремленная, быстро выкарабкалась из школьных неприятностей. Скажи, а как у тебя с английским?

– Четверка.

– А школа с углубленным английским?

– Нет, простая.

– Тогда это и не английский... Вот что, оплачу тебе сейчас языковые курсы. Будешь ходить сколько-то там вечеров в неделю и если добьешься успехов, то на весенние каникулы поедешь в языковой лагерь.

– Но...

– Для меня это небольшие деньги, не беспокойся. Ты больше выгоды принесешь, если к лету сможешь заговорить. Справишься с английским – получишь на лето подработку у меня в офисе. Рассылка международной почты, встреча клиентов, простые поручения.

В голове загудело, мысли внутри будто столпились у выхода, и те, что впереди, мешали другим выходить в сознание. Она одернула нервы, выпрямилась:

– Но я... Мне и шестнадцати-то еще нет...

– Никто не пошлет тебя заключать контракты, – усмехнулась Ангелина. – Кофемашину будешь обслуживать, следить, чтоб у принтера всегда запас бумаги был. Знаешь, есть такая

должность: хозяйка офиса? Даже старшеклассница справится. А понадобится ты мне потому, что сотрудники летом в отпуск уходят, и нужен кто-то выполнять работу попроще.

– То есть вы уверены, что я справлюсь?

– С кофемашиной и с фразой «Good afternoon, please come in, the manager is coming right now»¹?

– Думаю, даже с «Goodbye, always happy to see you again»², – невольно улыбнулась Мишка.

– Умница, но акцент ужасный. Надо поработать. Ну, не боишься больше? Только помни: все это при условии, что подтянешь английский.

Мишка кивнула:

– Да, работа летом мне бы не помешала. Я уже большая.

– Ты маленькая, – поправила Ангелина. – Просто так сложились обстоятельства, что должна рассчитывать только на себя. А я тебе совсем немножко помогу, – она улыбнулась, глядя зорко и остро. – Пора повысить уровень взаимодействия со средой. Ну и улучшить навыки коммуникации.

Вернулась Катька и не с пирожным, а с громадной чашкой шоколада, в которой мягкой горкой расплавились зефирки.

– Вот, – она, как реликвию, поставила тяжелую чашку и замерла, любуясь: – Какая же красота! И какое же вам спасибо!

3

На следующий вечер курьер привез коробку. Сверху там лежали две квитанции об оплате языковых курсов – младшей детской группы для Катьки и «Разговорный английский. Второй уровень» для Мишки, а еще буклетик, по каким дням занятия. Еще была книжка для девочек-подростков «Сияй» о том, как ухаживать за собой, по большой упаковке дорогих витаминов «Киндер» и «Джуниор» и две волшебные белые коробочки. Для Мишки – почти такой же, как первый, черный браслетик, но, если приглядеться, в черноте материала посверкивали, как очень далекие звезды, серебристые искорки. Вместе браслеты смотрелись – загляденье, и Мишка невольно улыбалась от звука, с которым они постукивали друг о друга. К тому же первый браслет она не сняла бы ни за что на свете. Интересно, как будет работать второй? Что это такое: «Повысить уровень взаимодействия со средой»? Улучшить навыки общения, что ли?

Катька листала розовую книжку про красоту, что-то прочитывала, беззвучно шевеля губами и напряженно сдвигая нежные брови, – училась. И даже не сразу поверила, что небольшая белая коробочка – для нее. А там оказалось детское украшение: на черном тонком обруче подвеска – котенок. Маленький, черный. Смешной. Катька на миг перестала дышать:

– Это что – мне?

– Вот, видишь, записка: «Катеньке». Ты, видимо, понравилась Ангелине Поликарповне.

Катька потрогала котенка мизинцем:

– Это потому, что я красивая, да?

– Красивая, но помнишь, она сказала, что ты должна стать еще красивее. Чтoб сиять, – Мишка усмехнулась. Катьку нужно занять чем-то, что будет ее радовать, а это «стать красивой» она, тщеславная, легко поймет. – Вот и прислала такую книжку. А вместе с этим украшением ты вообще станешь красавица, – она помогла Катьке застегнуть обруч сзади на шее. Черный котенок уютно устроился в теплой ямке между Катькиных ключиц, и Катька стала выглядеть как маленькая принцесса. – Только безмозглой не становись. Знаешь, бывают такие девушки: красивые, как в сказке, а рот откроют, и оттуда жабы валятся.

¹ Добрый день, проходите, пожалуйста, менеджер сейчас подойдет (англ.).

² До свидания, будем счастливы видеть вас снова (англ.).

– Полшколы таких дур, – согласилась Катька, поглаживая пальцем котенка. – Мишка, а вот ее так зовут, Ангелина: может, это она такой ангел в виде тетеньки? Чего это она нам просто так помогает?

– Не просто так, а потому, что думает, что я ей пригожусь летом в офисе, когда сотрудники в отпуска уедут.

– Она могла бы взять взрослую девушку, которую уже не надо английскому учить.

– Ну, наверное, взрослые девушки с английским находят себе работу получше, чем кофемашиной управлять, – пожала плечами Мишка, отмечая собственные сомнения. – На самом деле мне все равно, почему она меня берет – нам ведь очень деньги нужны.

Как обычно, она проснулась за пять минут до писка будильника и чуть шевельнула рукой, чтоб услышать милое постукивание браслетов, – они щекотно скользнули по руке, и Мишка услышала именно то, что ожидала услышать. Стало тепло на душе.

За своим умыванием, за расталкиванием и конвоированием Катьки чистить зубы, за завтраком, за мытьем пары тарелок и кастрюльки из-под овсянки Мишка все время проверяла взглядом милые браслетики: а вдруг они правда принесут счастье и удачу? Как же хочется верить, что – да! А если чудо вдруг произойдет – что же, нельзя будет смеяться, например, над астрологическими прогнозами или черными кошками? Над мистическими историями? Что же теперь – чудеса существуют? И привидения – тоже?

По дороге в школу надо было обходить лужи на тротуаре. Лужи отражали светлое серое небо и казались провалами в другой мир, серый и светлый. Оступишься – и поминай как звали. Будешь падать и падать в серую холодную пустоту.

В школе оказалось, что Танька-фигуристка явилась в новой розовой толстовке с надписью «Angel of your love»³, с вышитыми золотыми крылышками на спине. Она, среди сине-черно-серой толпы ребят, гордо прогулялась по всем четырем этажам школы под восторженные и глумливые смешки и умудрилась не нарваться на завуча. Счастье ее было настолько розовым и неподдельным, что Мишка тихо прислонилась к стене и несколько секунд завидовала этому состоянию до искр в глазах. Кулябкин рядом, которому проплывавшая мимо Танька небрежно бросила: «Привет, Колянчик», так вообще остолбенел. Пришлось со звонком брать его за рукав и тащить на английский.

А в класс, минут пять спустя, завуч привела странного новенького. Под конец четверти, под конец девятого класса, за два месяца до экзаменов?

Мальчик был ростом намного ниже всех парнишек, худой, темноволосый, кареглазый – казалось даже, что ему не пятнадцать, а куда меньше. Но вышло, что он, наоборот, старше: завуч сказала, что Игнат Панкратов пропустил год по болезни – как сама Мишка когда-то! – и вот теперь вернулся в школу заканчивать девятый класс.

Что-то в нем,двигающемся между парт к свободному месту плавно, как сквозь воду, было странноватое, как в заколдованном каком-нибудь принце из аниме: тихий, молчаливый, аккуратный и красивый, как переодетая девчонка. Сел за последнюю парту через проход от них с Кулябкиным. Что он, мелкий такой, увидит с последней парты? Но ведь она-то видит? Хотя на что там смотреть у доски... А учителей и так слышно.

Да он еще вдруг пришел со скетчбуком. Выложил его на парту открыто, вместе с учебником по английскому.

– Художник, значит, – Кулябкин обрадовался жертве и потянул скетчбук из рук у пацана.

– Художник, – пожал плечами новенький и сам отдал скетчбук. Добавил отчетливым шепотом: – Кого нарисую, тот помрет. Вон, видишь – они все померли.

³ Ангел твоей любви (англ.).

– Дурак, что ли, – отмахнулся Кулябкин, листая плотные страницы, изрисованные сплошь, без пустых мест.

У Мишки, сидевшей рядом, зарябило в глазах: портреты, странные дома, машины, роботы, какие-то символы, злые гномы, скелеты, голые красотки.

– Круууто, – восхитился Кулябкин, но вдруг слегка покраснел и прикрыл какую-то красоту от Мишки. – Слушь, художник, нарисуй мне аватарку для ВК, вот чтоб ни у кого похожей не было! Вот робота такого нарисуй, да?

– Да запросто, – ответил новенький, глядя почему-то на Мишку. – Вот сейчас на уроке и нарисую. А ты мне за это место уступишь.

– А списывать я у кого буду? – Кулябкин бросил ему скетчбук и обнял Мишку за плечи. – Не, в топку твои картинки!

– А я тебя тогда нарисую, и ты помрешь, – новенький улыбнулся, как нежный ангел.

– Иди ты на фиг, – заржал Кулябкин, но Мишка ощутила, как он вздрогнул.

Он доверчивый, Кулябкин. Коля-Коля такой совсем. Хоть и страшный. Симпатичный, глупый и здоровенный, как подъемный кран. Мог бы легко прихлопнуть Игната ладонью, но ведь пожалеет, добряк. Мишка выкрутилась из-под его тяжелой ручищи.

– Люди забывают, что когда-нибудь умрут, – в никуда сказал Игнат, и Мишка невольно начала соображать, из какого анимешного мультика эта фраза.

– А ты че, напоминать взялся? – заворчал Кулябкин.

– Тихо, – велела Мишка. – Не смейте шутить про смерть, маленькие идиоты. Вы ничего о ней не знаете.

– А ты, че ли, знаешь?

– Пришлось.

Это прозвучало так по-взрослому, что мальчишки переглянулись. Мишка пояснила:

– Летом на юге бабушка не проснулась. Умерла во сне. Лето, жара. А родителей не было, я одна с мелкими. Так что, понятно, пришлось. До сих пор трясет.

Учительница указкой погрозила им от доски, и они притихли. Мишка жалела, что дала словам вырваться. Пока молчишь – точно никого не расстроишь. Вот и новенький понурился, стал чего-то рисовать в своем скетчбуке, чтоб успокоиться. Наверное, рисование – его убежище. А у Мишки какое убежище? Печенье стряпать?

Кулябкин шумно вздохнул, полез в ранец, долго шуршал там, потом вытащил и сунул в Мишкин рюкзак апельсин, пачку печенья и упаковку копченой колбасы:

– Ты, это... В еде витамины. Чтоб не трясло.

– Спасибо, Кулябкин.

– Да ладно. А щас-то родители есть?

– Папа все по командировкам... Все норм, Коль, спасибо.

– Не «спасибо», а пиши крупнее, чтоб проще списывать, – ухмыльнулся Кулябкин.

Он вообще расстраивался недолго. Уже забыл и про новенького, и про Мишкину бабушку, уставился на розовую Танькину спину с золотыми крылышками. Спина была похожа на подушку. Танька села далеко, за партой у самых дверей, чтоб с первой ноты звонка выпорхнуть в десять минут приключений первой перемены.

Кулябкин был теперь Мишке вроде как друг. Двоечник, простодушный и беззлобный; Мишкино превращение из обычной ученицы в двоечницу, а потом обратно в обычную ученицу воспринимал все равно что смену зимы на лето и ждал, что и с ним вдруг случится такое же чудо и двойки сами исчезнут, надо подождать только, на всякий случай держа Мишку, которая разрешала списывать, под рукой.

Мишке же «дружба» Кулябкина тоже была нужна; во-первых, он в самом деле был добрый. Во-вторых, его мать владела маленьким продуктовым магазином, и потому рюкзак Кулябкина всегда был набит шоколадными батончиками, чипсами, копчеными колбасками, орехами

и иногда неожиданной ерундой вроде сушеных яблок или вяленых томатов. Чипсы и колбаски Кулябкин жрал сам, а все шоколадные батончики охотно отдавал Мишке, причем не за списывание, а просто так, а Мишка тащила их домой для Катки. Однажды они даже эти батончики по способу из Интернета расплавили, подмешали раскрошенного печенья и состряпали липкий тортик. В-третьих, как девушка ему, разумеется, нравилась Танька «Want love», то есть, ой, с сегодняшнего дня «Angel of your love», поэтому мелкая худая Мишка от его лапанья была избавлена – равно как и от внимания других мальчишек, которые старались не пересекаться с тем, что попадало в зону интересов крупного и дурного Кулябкина. Сложные орбиты Танькиной жизни меж другими парнями порой повергали его в изумление или негодование, но, как встрепанная комета из черных глубин космоса, Танька неизменно возвращалась к нему, клала голову на плечо и выпрашивала «чего-нибудь вкусненькое». Дурак Кулябкин замирал от счастья, не понимая, что все Танькино сердце занято таинственной «нищасной любовью», а он ей «просто друг». Через пару уроков Танькино естество уводило ее в новый полет, а Кулябкин плюхался обратно за парту к Мишке, кое-как умещал под партой крупные мослы и жаловался:

– И че? Ну вот скажи – и че? Я ей вон всю копченую колбасу скормил даже, а она? Опять вон целую перемену с этим Петровым из десятого. А в столовке с Серегой из одиннадцатого стояла ржала, аж на втором этаже слышно... Дай, слышь, алгебру спишу, хоть про эту розовую корову думать перестану...

Сейчас в его невменяемых глазах сияли отражения золотых крыльев.

А Мишка внимательно посмотрела на этого Игната: ну красивенький, да. Бледный, в глазах романтическая тьма. Встретил взгляд Мишки и опять нежно, как ангел с картин Возрождения, улыбнулся. Ему-то зачем понадобилось сесть с Мишкой? Но, в общем, Мишке было не до него, и она, съезжившись, спряталась за Кулябкина. Шел английский, а она хотела пятерку в четверти. После каторги курсов в языковом центре на Невском школьный английский казался ей танцами милых белых мышек в картонном театре, и пятерки посыпались в электронный журнал, как крупа из порванного пакета, а учительница сама предложила записаться на ОГЭ по английскому. Мишка этот вызов приняла.

На следующий день Кулябкин в школу не пришел.

Новенький подсел к Мишке и открыл скетчбук: Кулябкин был нарисован там в виде подъемного крана, и Мишка передернулась. Спросила:

– Меня тоже нарисуешь, если отсыду?

– Нет. Мне тебя не нарисовать – ты красивая слишком. Почти как я.

Мишка растерялась. Игнат усмехнулся, и что-то в его улыбке было непоправимо взрослое, нехорошее:

– А ты разве не заметила, что красавица?

– Зато ты как из страшного мультика вылез, – кивнула Мишка. – Какая-то потусторонняя тварь.

– Спасибо, – Игнат довольно, как сытый вампир, улыбнулся. – Я достаточно зловещий?

– Достаточно для чего? Чтоб воткнуть в тебя осиновый кол? – Она покрутила в пальцах остро заточенный карандаш.

– Не надо, – отодвинулся он. – Карандаш вряд ли из осины, но проверять не будем... Блин, опять не повезло, ты умная оказалась... Все, любовь отменяется, давай просто дружить.

– А Кулябкин? Выживет? – Она кивнула на скетчбук.

– Если ты согласна дружить, я припомню отменяющее заклинание, – лучезарно улыбнулся Игнат и положил перед Мишкой крошечного пластмассового ангелочка: – Отдаю в залог свою копию... Слушай, Мишка, а ты что, правда меня не помнишь? Мы ж с тобой учились вместе в началке, ну, у Елены Аркадьевны, помнишь? Она еще каждый месяц волосы в разный цвет перекрашивала?

– Тебя – не помню... А волосы то рыжие, то белые – помню...

– А потом ты в пятый класс с нами не пошла, пропала.

– Я болела. – Разъяснять, чем именно, Мишка не собиралась. И почему сторонилась потом бывших, хоть и перегнавших на класс, но оставшихся в детстве одноклассников, тоже. – Хотя так вроде тебя по школе помню. Но давно не видела.

– Год пропустил, – отмахнулся Игнат и подтолкнул к Мишке ангелочка: – Можешь тыкать иголками, если не буду слушаться... Ну что ты молчишь? Ты не любишь разговаривать?

– Это ты слишком любишь!

С того дня пластмассовый ангел жил у Мишки в пенале. Кулябкин по телефону сказал, что доктор велел ему посидеть неделю дома, потому что в качалке он то ли что-то потянул, то ли растянул – Мишка недослышала, больно уж Кулябкин веселился, что может прогуливать учебу на законных основаниях. Школа шла своим чередом. Год – тоже, неделя за неделей.

В ночь на первое марта выпал какой-то неуместный, глупый после бесснежной сухой зимы обильный снег, а на следующий день растаял, и город поплыл в грязной воде по щиколотку, захлестывая тротуары бурыми веерами грязи из-под равнодушных колес. Ладно, надо потерпеть, ведь уже весна. Еще три недельки – и каникулы.

К Игнату она незаметно привыкла, как будто он всегда был рядом. Они на всех уроках сидели вместе, и терпеть его было легко. От него не пахло конем, как иногда от Кулябкина; он умно шутил, трудные задачи по геометрии вместе они разбирали куда быстрее, и телефон у него был громадный – удобно вместе смотреть всякие залипушки с Ютуба. Про себя не рассказывал, сам ничего не спрашивал, плохо ни про кого не говорил, на всех прочих одноклассников, даже на самых красивых девчонок, ему было плевать. Сидел, рисовал всяких монстров в скетчбуке каждую свободную минуту, бросался книжными фразами – похоже было, что одиночества в нем тоже, как и в Мишке, по самые завязки: читать книжки и рисовать – занятия одиночек. А вместе было повеселее, но на самом деле одиночество никуда не уходило. Ну так что ж, это детство, наверное, уходит. Только малыши верят, что родители, друзья и счастье будут всегда.

Вроде все было в порядке, но у Мишки иногда мороз по коже прокатывался при взгляде на Игната. С этими взрослыми злобещими улыбками, казалось, он был налит тьмой по самую макушку, как герой какого-нибудь мистического фильма. Этаким юный Мцыри, в которого вселилась потусторонняя дрянь. Хотя чего в нем злобещего на самом деле, Мишка объяснять не взялась бы. Ну, в одиночестве люди всякий опыт приобретают. Если долго анимешки смотреть, тоже перестаешь понимать, что плохо, а что хорошо.

На замене, когда был пустой урок, Игнат отдал Мишке свой огромный телефон, чтобы она смотрела занятие по английскому, а сам рисовал невидимого дракона – хоть и невидимый, он получался жутким, щетинистым, полупрозрачным и омерзительным до дрожи, с пучком жвал и зубов в пасти, без глаз, с длинным телом в каких-то дырках.

– А что, ты думаешь, таких не бывает? – пугал Игнат Мишку. – Поискать, так в людях еще не такое найдешь.

– В смысле, это внутренний облик нехорошего человека?

– Нет, это внутренний обитатель человека. Вот подселится такая сущность, начнет выделять всякие ядовитые вещества в кровь, а оттуда в мозг, и у человека мысли изменятся, желания странные станут расти. Человек идет и делает какую-нибудь гадость, какая ему б сроду в голову не пришла. Например, ловит крыс, варит живьем и потом ест недоваренными. От такого питания, – он любовно вырисовывал прозрачные жгутики на теле чудовища, – кровь его станет приятнее для этого обитателя, он откормится как следует и отложит в человека цисты с детенышами. Те тоже скоро вылезут и будут впрыскивать в мозг человека свои токсины, и человек станет уже не крыс ловить и варить, а, скажем... Ну, отнимать у старушек йориков и

болонок... Чего, видела ведь, как много этих мерзких маленьких собачонок, только и тявкают, жри – не хочу...

– Ты псих, Игнат.

– И уже давно.

– Потому что в тебе ползает вот такой обитатель?

– Такой не ползает. Я от таких знаю таблетки. Съешь, и все – снова человек.

– Таблетки?

– Ну да, в любой аптеке продаются. Ты скажи, вот когда человек болонок варит и полу-сырых жрет, почему он не может остановиться? Хотя и понимает, что с ним что-то не то?

– Токсины в крови.

– Ну вот. А есть и еще хуже токсины. Такой человеческий яд, который люди друг другу прямо в мозг словами впрыскивают. И жертва начинает думать, что эти слова правильные, что только так и надо жить, по этим словам... Человеческий яд ужаснее. От него таблеток в аптеке, как от глистов, не купишь.

– Так это ты глиста нарисовал, что ли? Фу-у-у!

– Хорошенький мой, – Игнат подрисовал глисту микроскопические складки в изгибах туловища. – Простодушное создание эволюции. А вот люди... Нет, ну бывают, конечно, и среди людей простодушные паразиты. Но вот, если кто-то начинает меня кормить недоваренными мыслями, мол, живи так, думай этак, я сразу вижу не человека, а вот такого вот громадного невидимого глиста.

– Да ну тебя. Обычно взрослые дают советы, потому что хотят, чтоб мы не набили шишек.

– Обычно взрослые думают головой еще меньше, чем мы, потому что у них полная голова вот таких невидимых паразитов. Места для ума уже нет.

– А чем твое мнение отличается от такого же недоваренного глиста? – Мишка начинала скучать по Кулябкину. – Рисуй лучше роботов давай.

Но Игнат нарисовал розового ангела с золотыми крыльями, и хотя ангел был мало похож на Таньку, на следующий день та в школу не пришла – заболела, в пятнадцать-то лет, ветрянкой! И класс посадили на карантин.

Глава третья

«We were waiting for you!»⁴

1

Восьмого марта мама с утра привела Митьку и наткнулась на приехавшего вчера отца. Мишка сварила им кофе, пока Катька и Митька на радостях встречи разносили детскую, и раздумывала, куда бы скрыться от семьи. В библиотеку рядом, через дом, что ли, пойти? Можно и мелких взять – Митьке понравились там большие детские книжки, долго листал. А Катька снова полистала бы журналы для подростков. Там коворкинг на втором этаже, новые компьютеры, чисто-чисто, удобные синие стулья, полно книжек на английском, ходит трехцветная кошка Фрося, трется бочком о щиколотки посетителей – никто слова не скажет, сиди занимайся сколько надо, хоть до ночи... Ох нет, Восьмое ж марта, там закрыто... Куда сбежать? Выждать? Как тоскливо, как не по себе – хоть беги, хотя родители мирно сидят на кухне друг против друга и тихо разговаривают. Но у Мишки от плохих предчувствий будто кто-то ерошил ледяными пальцами волосы на затылке. Ах да, надо ведь предупредить их про каникулы, и она вышла на кухню:

– Мам, пап. Мне надо...

– Ну чего тебе опять «надо»? – завелась мать с полуслова. – Почему вот мне ничего не надо?

– У матери больной человек на руках, чего ты к ней пристаешь, – поддержал отец. – Выросла вот дурища на нашу голову...

– Я не пристаю, – сдерживаясь, уточнила Мишка. А может, прав Игнат насчет человеческого яда? Вон как их слова жалят. Она обхватила ладонью браслетики на другой руке, чтоб говорить спокойно, как взрослая: – Я даже никому из вас не звоню и не беспокою, когда у нас с Катькой кончаются деньги.

– Так экономить надо, а не гамбургеры жрать!

– Я экономлю. – Да, человеческий яд страшнее любого другого. – Я знаю, что у тебя, пап, кредит за машину, а тебе, мам, надо деньги на похороны собирать. И летом пойду работать. А сейчас мне надо, чтоб вы подумали, с кем будет Катька на весенние каникулы, потому что я поеду в языковой лагерь.

– Какой еще лагерь! С ума сошла! Я жду не дождусь этих твоих каникул, чтоб Митька тут хоть неделю пожил! Ты хоть думала, каково ребенку в одной комнате с лежащей больной?!

– Я поеду в лагерь, – спокойно сказала Мишка, крепче сжимая браслет и становясь внутри абсолютно спокойной, холодной, выстуженной насквозь. – Мне нужен английский для той работы, которой я буду заниматься летом. А вы – взрослые люди, наши родители и должны о нас адекватно заботиться. Вам повезло, что лагерь для меня бесплатно.

– Как для многодетных, что ли? – с подозрением посмотрела мать.

– Так что? – не стала отвечать Мишка. – Я даже в Сестрорецк сама поеду на электричке, не надо меня отвозить. Пап, может, Катьку к тете Свете опять на каникулы, как зимой?

– Катька ей в тот раз вазу разбила. И кот заболел, Света говорит, от того, что Катька его истискала. Не будет она больше Катьку брать, даже сказала, мол, сам своими детьми занимайся, дурами невоспитанными... А что, Катьке в лагерь нельзя?

– Да, там интенсив, погружение в языковую среду, младше четырнадцати не берут.

⁴ Мы вас ожидали! (Англ.)

– А тебя-то как взяли, двоечницу такую?

– Ну вот взяли.

– Эгоистка, – тоскливо сказала мать. – А Митька, Митька-то как же?

– А что Митька? У него что, только ты в родителях? – Мишка посмотрела на отца. – Пап, у тебя реально сплошь командировки, и ты не можешь неделю дома пожить?

– Нет! – рявкнул отец.

На кухню пришла Катька, румяная, запыхавшаяся и злая, выставила вперед согнутую руку:

– Вот! Мам! Я не буду Митьку в садик водить, он меня укусил! – На предплечье быстро вспухал след от укуса – ровное маленькое полукружие мелких зубов. След от каждого зубика заплывал синим. – Я ему ничего не делала, а он взял и укусил! И Мишка ваша – тоже зараза, она вчера мне по голове учебником треснула!

А Мишка и правда ей треснула вчера толстой рабочей тетрадкой по английскому, только не по голове, а по заднице.

– Потому что ты пересказ не хотела учить!

Отец ударил по столу ладонью – звякнули чашки:

– Тихо, девки! Обнаглели уже из-за своего Восьмого марта!

Раньше бы Мишка вздрогнула, а теперь лишь хмыкнула про себя: взрослые повышают голос, когда чувствуют себя беспомощными.

– И не «тихо», – насупилась Катька. – Митька, мам, с тобой, Мишка сама большая, а до меня вообще дела никому нет, – она ужаснулась этому факту так, что глаза переполнились слезами и быстро покатались по розовым щекам: – Какое Восьмое марта, если ничего не подарили даже... Я вам мешаааю, меня деть нееекуда, а Мишка меня обижааает, кормит меня макаронами без маасла...

Мишка спокойно взяла Катьку за плечи, развернула и подтолкнула вон из кухни:

– Не ной. Иди поддержи руку под холодной водой, а потом садись учи слова и тот текст про «spring in the park»⁵. – Она повернулась к родителям, ледяная от презрения: – Вы взрослые люди. Решите уже что-нибудь. К примеру, будете вы семью сохранять или нет. И если нет, то что тогда будет с нами. С ними, то есть, – она мотнула головой в сторону детской, из которой слышался тихий-тихий Митькин плач. – Со мной все ясно, от меня только расходы и беспокойство, я вам никогда не была нужна, а они чем виноваты? Или мне позвонить в кризисный центр, и тогда государство за вас эти ваши проблемы в виде троих детей быстренько разрешит?

– Да как тебе не стыдно, зараза такая! – заорала мать.

– Нет, не стыдно, – задрожав от ярости, сказала Мишка. – Это не у вас со мной проблемы, это у меня – с вами. Начиная с прошлого лета. Напомнить? Напомнить, как я вам звонила, то одному, то другой, а ты, мам, вот так же орала: «Звони отцу, это его мамаша померла», а ты, пап, трубку бросал, потому что ты типа в командировке и думал, что я так... Деньги я так вымогаю! Вру я так! А потом и вовсе телефон отключил, а я сидела на крыльце и редела, а бабушка... А бабушка мертвая там, в жаре, и мухи, мухи эти лезут и лезут!! А люди, односельчане эти твои херовы, мимо ходят и хоть бы кто помог!! А ты сам в Анапе с бабой какой-то был, мне дядя Дима, сосед потом проговорился! Поступают так нормальные родители, да? Нормально все у вас, да?

Она думала, что мать опять, как зимой, вскочит и влепит ей пощечину, но та сидела, как пришибленная, ссутулившись, какая-то маленькая, и смотрела в пустую чашку. Мишка посмотрела на отца – ударит? Но тот смотрел в стену. На стене были зеленые обои, на которых в прошлом году Митька с Катькой нарисовали крошечных жуков и божьих коровок, а попало за

⁵ «Весна в парке» (англ).

это Мишке. Переклеивать никто ничего не стал, и мама даже говорила, что жуки ей нравятся, что пусть «поживут до ремонта»... Это было давно. А о ремонте и речи нет.

Мишка не стала говорить про «новую жизнь», которую хотят родители. В их «новой жизни» места детям нет. Ну так ведь и она сама не лучше папы с мамой, потому что тоже умеет жалить ядом, тоже хочет новой жизни, в которой ни родителям, ни младшим места нет. Митьку только жалко. Слышно вон, все еще плачет. Не за просто так он Катку укусил, надо пойти разобраться. И она сказала:

– Да живите вы как хотите, мне уже пофиг... Мам. Давай так: оставляй Митьку на эту неделю. Мы перед школой будем его в садик отводить. Ему-то какая разница, каникулы или нет.

2

Девятого марта был выходной, светило солнышко, пахло весной, и они пошли втроем гулять к Неве. А на набережной собралась толпа – на корявой маленькой льдине принесло к причалу у «Силовых машин» двух маленьких взъерошенных нерпят. Толпа фоткала их, причитала и непрерывно в сто пар рук звонила в МЧС: льдина таяла да и куда нерпятам в центре города? Кто-то сказал, что такие маленькие щенки нерпы еще не умеют плавать. Мамка, крупная ладожская нерпа, крутилась метрах в семидесяти от парапета, беспокоилась, то и дело высовывая из воды черную гладкую голову, не смея подплыть к детям из-за толпы.

– Да она бы все равно ничего не смогла сделать, – снизу объяснял толпе рыбак из тех, что крутятся на излучине в своих резиновых лодках, когда ни взгляни. Он вытаскивал лодку, в которой сверкало на солнце ведро с корюшкой, на причал. – Самка толстая, ее лед не держит. Я уж давно за ней смотрю, она пыталась, когда

льдина там вон еще была, – он махнул удочкой в сторону Большеохтинского моста. – Хотела к ним, покормить или что, а лед ломался... Теплая зима, вот и лед тонкий... Сколько их, наверное, в Ладоге-то потонуло... Щас эти мужики из службы помощи тюленям приедут, заберут.

Катка, сжав кулачки, стояла неподвижно, не отрывая глаз от нерпят, и чуть не плакала. Митька смотрел серьезно и молча, как большой, и крепко держал Мишку за руку. Один взъерошенный пятнистый нерпенок спал, мурлыкая на солнышке, другой ворочался, зевал, переворачивался, смешно и жалко перебирая толстыми лапами, – два маленьких дурака, не понимающих, что им грозит опасность, что льдина тает, что мамка никогда больше их не обнюхает...

Приехали спасатели. Дядька в красном гидрокостюме слез к рыбаку в лодку, и они поехали ловить нерпят. Поймали, хотя дядьке пришлось заползти на льдину и гоняться за нерпятами на четвереньках. Толпа аплодировала. На причале, завернув в полотенца, спасатели перегрузили нерпят в специальные сумки, осторожно перенесли в машину. Рыбак сунул им с собой ведро с корюшкой. Спасатели уехали. Толпа стала расходиться.

– Деток ищет, бедная, – сказала старушка рядом.

И в самом деле, голова мамки-нерпы высунулась у самой льдины, прибитой течением к стенке набережной. На миг скрылась, высунулась снова – нет детей! Нет! Катка заревела. Митька уткнулся в Мишку.

– Ну чего вы, – сказала им Мишка. – Дети зато живы будут. Их вырастят и выпустят потом в залив или в Ладогу.

– А мама? А мама их теперь куда? А почему они ее с собой не взяли?

– Да как же взрослую нерпу поймает? Ничего, она или в Ладогу обратно уйдет, хотя против течения это трудно, или спустится в залив.

Нерпа все плавала и плавала вдоль причала, смотрела на людей круглыми глазами. Мишка сама чуть не заревела. Взяла младших за руки, повела прочь. Их-то мама не ищет...

Ушла вчера, даже не оглянулась. Ну ничего, она сама, Мишка, Катке и Митке как мамка-нерпа. Все будет хорошо, хотя их несет неизвестно куда на льдине, которая, конечно, тает и того гляди скроется под водой.

Шишка на лбу Митки – это Катка тогда толкнула его, и он врезался лбом в угол письменного стола – за неделю прошла. След укуса у Катки вообще исчез. Катка ходила гордая и красивая, как несправедливо обиженная, и дулась, что из-за Митки им приходится по очереди пропускать курсы английского – там хорошенькую сообразительную Катку полюбили и уже всем ставили в пример, и она все уроки старательно, правда не без Мишкиной помощи, выучивала и каждое занятие бежала туда «сиять». А тут не «сияй», а с Миткой сиди. Ничего, потерпит. Но доверять ей нельзя.

– Вот только хоть пальцем его тронь, вот только скажи хоть какую-нибудь гадость – возьму скакалку и отлуплю как сидорову козу, поняла?

Мишка объяснила на курсах ситуацию, и ей просто за пропуск во вторник и четверг задали в три раза больше. Ну и ничего: пока Катка была на курсах, она сидела в тишине, учила уроки и английский, а Митка играл под столом в свое вечное лего, иногда задевая плечом Мишкины коленки. А потом она одевала его в комбинезон, брала за руку, и они шли встречать Катку на автобусную остановку. Митка вцеплялся в ладонь очень крепко – как давно, когда он только начинал ходить и боялся шлепнуться. Он вообще стал очень тихий, бледный, почти не разговаривал, и Мишка потихоньку от Катки воровала из ее банки с витаминами толстых оранжевых медведей, разрезала вдоль и скармливала Митке.

Опять пошли дожди, да такие, что на лужи страшно смотреть, – глубокие, бездонные, того гляди оттуда какая-нибудь скользкая гидра вылезет. Или протухший кракен. Люди вокруг почему-то тоже казались какими-то страшными, просроченными, бесполезными, и Мишка, не глядя в серые мертвые лица, обходила их, стараясь не наступать в лужи. Дождь лупил и лупил по капюшону куртки и никак не кончался.

Прошла еще неделя. Надо было собираться в лагерь. Но как? Куда деть младших? Тете Свете, папиной сестре, она позвонила сама – но та брать Катку наотрез отказалась, а Митку – тем более, потому что не возить же его в садик ей с Комендантского на Охту. Объяснять про родителей – а чем тетя Света поможет? У нее своя семья, работа, муж, дети... Зачем ей еще трое чужих? Да еще братовых, противных; наверное, у тети Светы с папой тоже только ругань. Мама это как-то разруливала раньше, в гости они семьями друг к другу ездили на дачи, но тети-Светин муж и папа чуть ли не каждый раз или разругивались, или молчали, как два кирпичика, чтоб жен не огорчать. На кой такие гости... В общем, никто не поможет.

Мишке стало страшно. Если лагерь накроется медным тазом... Отец уехал то ли в Петрозаводск, то ли в Мурманск и не звонил. Денег осталось триста сорок рублей. Мать молчала.

И тут, вечером в четверг, когда в темных углах квартиры шебуршали черные голодные мальчишки, а она сидела с тихим, косившимся в темноту Миткой, смотрела в учебник, и английские слова расплывались в мокрых глазах, позвонила Ангелина Поликарповна:

– Здравствуй, моя хорошая! В лагерь уже собралась?

И так ласково, будто с небес, звучал ее голос, что в темных углах стало светло и пусто. Мишка едва не разревелась и опять, как доброй фее, выложила ей все. Ангелина решила сразу:

– Младшего не могу взять. А вот Катюшку возьму на неделю с удовольствием. Она – девочка умная и ласковая, моей Анне всего на год больше, поладят.

– У вас есть дочка?

– Да, а я что, не говорила? Я вам с Катюшкой потому и помогаю: надеюсь, что и моей девочке кто-нибудь в трудную минуту поможет. Все, не волнуйся. Заканчивай четверть, а в субботу утром я возьму Анечку и поедем все вчетвером, отвезем тебя в Сестрорецк.

С Мишкиных плеч будто гора свалилась. И кстати за окном, от банкетного зала в соседнем доме, очередная свадьба запустила фейерверк, ликующими цветными вспышками загрохотавший чуть ли не прямо за стеклами. Счастье! Только надо придумать, чего наврать родителям.

Наутро, пораньше затолкнув Катьку в школу и скорей волоча Митьку в садик, она позвонила маме:

– Мам, привет! Все, я Митю в садик отвожу и забирать его вечером уже не буду, сама забирай. Вернусь – опять его возьму на недельку. Да, мам, я спросила, Катьке можно со мной в лагерь или нет, и знаешь, сказали, можно! Потому что мы многодетные, а там кто-то заболел, и они не знали, куда это место деть. А что она маленькая, так ничего, ну не справится, так сертификат не получит. – Мишка поражалась тому, какое рождается в ней складное и красивое вранье. Это что, тоже браслет так работает? Это и есть навыки коммуникации? – Там питание четырехразовое, прогулки, все такое.

– Собери ее как следует, – устало сказала мать. – Погода еще неустойчивая, штаны возьмите болоньевые для прогулок, там с залива всегда ветра, в Сестрорецке... А Митьку... Ну заберу; а если бабушке совсем плохо будет, воспитательнице какой заплачу, договорюсь, чтоб подержала у себя...

– Как бабушка?

– Да никак. Без сознания почти всегда, есть перестала, еле водичкой ее выпаиваю... Все, Мишка, пока, вон она стонет, укол надо сделать...

Митьку в садике она еле отодрала от себя. Он не ревел, даже не ныл – просто лип, обнимая за шею, и Мишке все казалось, что он беззвучно скулит. Она пообещала:

– Зайчик мой, вот я вернусь, и будет уже апрель, солнечная погода, я тебя возьму, и мы пойдем с тобой гулять долго-долго, только вдвоем, все детские площадки обойдем. Хорошо? Даже на ту большую в паркеходим, с самолетом, помнишь? И на пруду хлебушком уток покормим, да?

Митька кивнул. Вдохнул, как взрослый, отлип и пошел в группу, не оглядываясь. А из группы сладко пахло молочной лапшой, какао и безопасностью. Заботой взрослых.

Пока от садика мчалась в школу, пустая рука без Митькиной лапки мерзла и все думалось, что врать нехорошо, что маме надо бы как-то помочь и с бабушкой тоже, – но разве она не помогает тем, что заботится о Катьке? И говорить маме, что Катьку заберет чужой человек, потому что Мишке очень надо в этот английский лагерь, – разве не значит расстроить ее еще больше, потому что понадобится снова решать, куда деть Катьку? И лагерь тогда точно накроется медным тазом, а отношения с Ангелиной Поликарповной испортятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.